

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ДЛЯ XXI ВЕКА**

V международная научная конференция
Москва, 13–15 ноября 2008 г.

**ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ,
ЗАДАННЫЕ ОРГКОМИТЕТОМ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ПРОБЛЕМАМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
Международный опрос, 2008 год**

Часть 1

Издательство Московского гуманитарного университета
2008

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект 08-06-14071Г)

В93

Высшее образование для XXI века: V международная научная конференция. Москва, 13–15 ноября 2008 г.: Ответы на вопросы, заданные Оргкомитетом конференции по проблемам высшего образования. Международный опрос, 2008 год. Часть 1 / Сост. Вал. А. Луков, Вл. А. Луков, Н. В. Захаров. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. — 84 с.

В выпуске публикуется первая часть ответов на вопросы, заданные Оргкомитетом конференции по проблемам высшего образования (международный опрос, 2008 год), представленных участниками V международной научной конференции «Высшее образование для XXI века».

Составители:

Вал. А. Луков, Вл. А. Луков, Н. В. Захаров

В сборе материалов приняли участие

В. К. Криворученко, А. Б. Щербаков

Переводчик текстов, представленных на английском языке,

Б. Н. Гайдин

Ответственный за выпуск

О. В. Долженко

© Авторы докладов, 2008.

© МосГУ, 2008.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Проводя подготовительные мероприятия к V Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века», намеченной на ноябрь 2008 г., за несколько месяцев до ее проведения организаторы конференции обратились к широкому кругу специалистов различных регионов России, разных стран мира, известным деятелям культуры и науки, чьи труды и практическая деятельность в области высшего образования получила признание, чьи взгляды могут дать широкий спектр мнений, отражая интеллектуальное лицо современной эпохи, с просьбой высказать свою точку зрения по трем вопросам, сформулированным исходя из темы конференции.

Вопросы, на которые организационный комитет конференции просил высказать свое мнение:

1. Сегодня взгляды на состояние высшего образования кардинально различаются. Одни исходят из глубокого кризиса всей образовательной системы, другие видят признаки образовательной революции. А какова Ваша точка зрения?

2. Какие научные достижения и какие проблемы человека, культуры, общества, волнующие Вас, должны находить в образовательных программах высшей школы более полное отражение?

3. Каким станет высшее образование в конце XXI века — глобальным и единым для всего мира, локальным с возрождением традиций национальных образовательных моделей, каким-то еще или необходимость в нем отпадет вообще?

Мы получили ответы на эти вопросы от ученых, педагогов, организаторов высшей школы, деятелей культуры и представляем на конференции их авторитетные мнения относительно содержания высшего образования и его места в обществе сегодня и завтра. Это заочное обсуждение становится актом гуманитарной экспертизы нынешнего состояния и проблем развития высшего образования в меняющемся мире.

Ответы размещены в сборнике по алфавиту фамилий авторов. В этом выпуске публикуется первая часть материалов.

**ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ,
ЗАДАНИЕ ОРГКОМИТЕТОМ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ПРОБЛЕМАМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Международный опрос, 2008 год

АЛЕКСЕЕВ С. В., доктор исторических наук

Московский гуманитарный университет

Глубокий кризис прежних образовательных систем в мировом масштабе с неизбежностью ставил на повестку дня проблему образовательной революции. Вопрос в том, какую направленность она примет. В настоящее время нетрудно заметить, что соперничают и парадоксально переплетаются две на первый взгляд разновекторных тенденции. С одной стороны, речь идет о всеобщем высшем образовании. Следует понимать, что в перспективе обозначает развитие образования узкоспециализированного, со снижением или, как минимум, новым усреднением объема базовых «общих» знаний. С другой стороны, вырисовывается перспектива выстраивания над общей массой принципиально элитарного образования, ориентированного на подготовку не «исполнителей», а творческого меньшинства — людей науки и культуры, топ-менеджеров в сфере политики, информации и экономике. При сохранении нынешних тенденций общественного развития не исключено, что в финале мы получим искомую с XIX в. надстройку «технократов» или «меритократов» над массой «техников». Однако пока это выглядит утопичным (или антиутопичным). Мы не можем быть уверены, что нынешние тенденции общественного и культурного развития сохранятся. Мы не можем быть уверены, что «информационная цивилизация» действительно сложится окончательно и тем более что она доживет хотя бы до конца века.

XXI в. иногда называют веком гуманитарных наук. Подразумевается, что они сменят как научный приоритет науки естественные и точные, ввиду того обстоятельства, что человечеству предстоит некий мировоззренческий выбор. Исходя из этого представляется, что для образованного человека наступившего века ключевыми будут являться познания не только в своем виде деятельности, но — не зависимо ни от чего утилитарного — в области философии, истории, культуры, религии. Если в наши дни прагматическая необходимость их не всегда ясна представителям других профессиональных областей, то в будущем ситуация должна измениться. По крайней мере, так часто полагают. Особый интерес,

видимо, будут вызывать именно проблемы, связанные с эволюцией (и революциями) мировоззрения — историко-философские, идеологические, историко-религиозные. Это ведет неизбежно к воскрешению интереса к истории древности и средневековья, а с другой, — к поддержанию интереса ко временам разного рода социальных катаклизмов, в том числе революций XVIII –XX вв., к их причинам и следствиям.

Довольно рискованно заниматься подобными предсказаниями. Если общественные тенденции будут и дальше идти в русле глобализации, то наиболее вероятен первый вариант (глобальное образование). Лично мне был бы гораздо симпатичнее второй (локальное образование с возрождением национальных традиций). Однако совсем не исключено, что отмечаемые многими тенденции к варваризации ныне «цивилизованного» общества приведут к краху образовательной системы как таковой. Выбор модели образования зависит от выбора человечеством своего общественного будущего.

АРСЮТКИНА Л. Н., кандидат экономических наук

**Академия управления при Президенте Республики Беларусь
(Минск)**

1. Образование находится в глубоком кризисе, чему есть ряд причин:

- отсутствует единая концепция развития профессиональной структуры трудовых ресурсов;
- отсутствует политика приоритетного финансирования образования, в том числе кредитования образовательных программ;
- резко сократилось число преподавателей, имеющих ученые степени и звания;
- разрушен ряд научных школ, потеряна преемственность в формировании кадров.

2. Необходима разработка и введение учебной программы идеологии развития государства.

3. Если не произвести реструктуризацию ресурсов в пользу будущих поколений, то образование станет чрезмерно элитарным и недоступным для большинства потенциальных получателей образования.

БОДРОВА Е. В., доктор исторических наук, профессор

Московская государственная академия приборостроения и информатики

1. Мировое образование испытывает в настоящее время ряд инновационных сдвигов, которые воплощаются в усилении следующих процессов:

– диверсификация образования, связанная с изменением содержания образования, переориентацией, сменой ценностей, переходом экономики к практикоориентированным, человекоориентированным моделям и выработкой передовых образовательных технологий нового поколения;

– демократизация, все большая открытость мирового образования, доступность, расширение границ, становление открытого образования;

– глобализация, увязывание образовательных систем в единые мировые образовательные сети, преодоление политических, административных, национальных, расовых, конфессиональных границ в образовании;

– регионализация, все большее выделение специфики в рамках мировой сети различных моделей образования, связанных с особенностями развития того или иного региона.

В силу перечисленных факторов образование теряет привычные модели трансляции знаний и образцов и вынуждено искать новые. В такой ситуации разрыва мы являемся свидетелями того, что называется образовательным кризисом, связанным с поиском новой парадигмы образования.

В конечном счете, он заключается в ориентации на развитие личности, ее творческих способностей, введение гибких и проектных форм обучения, увеличение доли в объеме часов на индивидуальные формы подготовки, обеспечение индивидуальных траекторий обучения студентов.

Традиционная позиция связывает образование, а тем более, высшее образование, со специальной подготовкой к определенной профессии, с накапливанием и овладением знаниями, помогающими решать практические задачи. Толкование образования как категории бытия преодолевает чисто инструментальный, прагматический подход к использованию знания. Образование понимается как образование личности в человеке, как образование индивидуального, уникального в определенном смысле субъекта творческой деятельности, как реализация его человеческого предназначения

Кризис в России. Государство в 90-е гг. фактически ушло из образования, которое вынуждено было заняться самовыживанием, в значительной мере абстрагируясь от реальных потребностей страны. В современных условиях оно уже более не может оставаться в состоянии внутренней замкнутости и самодостаточности¹.

Структура высшего образования перестала соответствовать потребностям народного хозяйства, отражая, в первую очередь, конъюнктурные интересы поступающих и их родителей, стремящихся к получению престижных профессий. И, как следствие, естественно снизилось качество обучения и профессиональной подготовки кадров.

В настоящее время только 10% наиболее талантливых и старательных студентов получают то качество знаний, которое требуется сегодня. Народное хозяйство получает только около 80–85 тыс. выпускников российских вузов, которые могут быть полноценными специалистами, отвечающими требованиям первой четверти XXI века².

За период с 1991 г. страна лишилась значительной части своего потенциала в области высшего образования. Из вузов ушло более 300 тыс. наиболее квалифицированных ученых-преподавателей, часть из которых вообще покинули Россию. Почти в 20 раз сократились объемы научно-исследовательских работ, выполняемых в вузах. Еще кардинальнее сузилась сфера их внедрения. Число патентов и авторских свидетельств, регистрируемых в России, уменьшилось в 100 раз. Практически прекратилось переоснащение вузов новым учебно-лабораторным оборудованием³.

Нельзя определить как вполне сформировавшуюся и последовательную государственную политику в сфере образования.

Сформировались расхождения между государственными структурами и педагогическим сообществом в области идеологии развития высшей школы. В их числе: а) о модели высшего образования; б) о многоуровневой системе подготовки специалистов; в) о региональном компоненте в высшей школе; г) о платности образования. Но главное — стремление реформаторов перестроить высшую школу России на западный лад, копируя в основном модель США. Вузовское

¹ Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. М.: Изд-во Центр гуманитарной литературы, 2004 год, 23 с.; <http://www.philippov.ru/news/27/224>

² Плаксий С. И. Качество высшего образования: инвестиция в интеллект // Высшее образование для XXI века. Научная конференция 22–24 апреля 2004 г. Пленарные заседания. М.: Изд-во МосГУ, 2004.

³ Там же.

сообщество, в большинстве своем, не отвергает идею интеграции высшей школы России в мировое образовательное пространство, но считает недопустимым отказываться от того, что превратило отечественную систему образования в одну из сильнейших в мире. Главное преимущество — фундаментальная подготовка.

Отсутствие полноценной взаимосвязи между профессиональным образованием, научно-исследовательской и практической деятельностью усиливает несоответствие содержания образования и образовательных технологий современным требованиям и задачам обеспечения конкурентоспособности российского образования на мировом рынке образовательных услуг.

– Для прорыва России в общество, основанного на знаниях, динамичного экономического роста, преодоления демографического спада, повышения обороноспособности страны, обеспечения национальной безопасности и консолидации общества, — полагал генеральный секретарь РСР, профессор В.Семи́н, — необходимо преодолеть установку конца 1980- — начала 1990-х гг. на то, что в стране слишком много науки и образования⁴.

– В качестве стратегических ориентиров развития системы высшего образования необходимо использовать прогнозируемые специалистами параметры развития образования в постиндустриальном обществе — не менее 60% дипломированных специалистов и научных работников в составе занятого населения. В противном случае имеющиеся у страны позиции будут безвозвратно утрачены. Хотя численность специалистов с высшим и средним специальным образованием (включая лиц с незаконченным высшим образованием) в общем количестве населения России еще велика — 42,8 млн чел., или 37%, число лиц, имеющих высшее образование, составляет лишь 13,3%, в то время как в США — 22%⁵.

– Проанализировав сложившуюся модель системы образования, коллектив во главе с С. Капицей пришел к выводу: для того, чтобы исправить ситуацию, нужно увеличить финансовые вложения в высшее образование примерно в 5 раз. А для того, чтобы выйти на самые передовые позиции, нужно увеличить финансирование в 12 раз.

⁴ Семи́н В. А. О мерах по развитию высшего образования в России // Высшее образование для XXI века. Научная конференция 22 – 24 апреля 2004 г. Пленарные заседания. М.: Изд-во МосГУ, 2004 г.

⁵ См.: Жуков В. Университетское образование: история, социология, политика. М., 2002. Гл. 2.

– Для российского менталитета всегда было характерно убеждение, что развитие общества и государства, его процветание или упадок, в значительной мере зависят от того, какое воспитание и образование получают граждане. Звание учителя на протяжении многих десятилетий ко многому обязывало. Его достаточно высокий статус был обусловлен тем, что на педагогическое поприще приходили люди, для которых их работа была не просто средством к существованию, а делом жизни, призванием, служением идее просвещения народа.

– Традиции российской высшей школы опирались также на идею коллективизма, понимаемую в специфически русском осмыслении как идея «соборности». Университетские научные школы создавались на базе сотрудничества преподавателей и студентов, основанного на единстве взглядов, общности мировоззренческой позиции, стремлении реализовать общую идею. Так или иначе, любая идея всегда сопоставлялась с ее вкладом в будущее России. Активное погружение в собственную культурную традицию резко повышало заинтересованность студентов в изучении гуманитарных наук⁶.

– Недостаток пространственной мобильности в наших условиях может и должен компенсироваться повышенной профессиональной мобильностью людей с высшим образованием. Высокая способность к обучению — одно из их конкурентных преимуществ в нашей стране.

2. основополагающий принцип: высшее образование не должно определять главные направления своей деятельности в долгосрочной перспективе, исходя исключительно из интересов рынка труда или результатов перспективных исследований потребностей в рабочей силе, а должно исходить из общественных потребностей.

Традицией российской высшей школы является нацеленность на профессию, а не на общее развитие. Но на профессию, основанную на фундаментальных знаниях, только часть которых дается в средней школе, а основная часть — в вузе. Эта фундаментальность, причем системная, обеспечивает завершение общего образования в части компетенций общего характера. Иначе говоря, российское высшее образование — это не только профессия, но и «общее развитие человека».

3. В настоящее время считаю целесообразным тиражирование примерных профессионально-ориентированных программ по всем

⁶ См.: Селиванова О. Б. Информационное общество и творческая активность студентов. Инновации в высшей технической школе России. Сб. статей. Вып. 2. М., 2000. С. 433–435.

дисциплинам гуманитарного и социально-экономического цикла. Их должно отличать две особенности:

1) Ориентация на познание и осознание общечеловеческих и национальных ценностей, овладение интеллектуальным богатством и культурным наследием России и мира, коммуникативную подготовку, предполагающую речевую компетенцию, высокий уровень культуры владения современным русским языком, формирование всесторонне развитой личности специалиста, ответственной не только за техническое содержание, но и за экологические и социальные последствия принятия профессиональных решений;

2) Усиление социально-экономической подготовки, ориентация на знание экономических и правовых основ функционирования и развития общества, формирование личности специалиста с рыночными социально-психологическими установками, способной к честному предпринимательству, деловой активности, работе в коллективе, профессиональному принятию технических, экономических, управленческих и социальных решений.

Анализ вариантов программ, ранее апробированных в высшей школе, и новых, профессионально-ориентированных программ, проходящих апробацию ныне (МГУПИ, МАДИ, МИЭМ, МАИ и др.) свидетельствуют о значительном усилении в гуманитарном образовании трех составляющих — личностной, профессиональной и социально-общественной.

Акцентирование этих проблем продиктовано следующими обстоятельствами:

1. Система принципов учебно-воспитательного процесса, ранее существовавшая в нашей стране, развивала моновзгляд на личность как на «совокупность общественных отношений» и одновременно абсолютизировала этот взгляд, практически, исключая из воспитания деятельность самой личности по саморазвитию. Преодоление односторонности, узости существовавшей в советский период методологической базы воспитания первоначально приняло форму простого отрицания ее. Следующим шагом на пути преодоления методологического вакуума стала попытка перенесения и использования в России западных методологических подходов к обучению и воспитанию. Однако методологической базой западных моделей, сложившихся в 70–80-е гг. XX в. (особенно гуманитарного образования) является советская методология наоборот — абсолютизация роли самой личности и целенаправленное, жесткое сужение сферы воздействия социального окружения на личность. В последнее десятилетие на самом

Западе интенсифицируется поиск путей преодоления индивидуалистической ориентации, вырабатывается комплексная методология. Эта же потребность осознается в последнее время и в России.

2. Социологические исследования, проведенные в ряде технических университетов показывают, что подавляющее количество студентов понимают значимость гуманитарных и социально-экономических дисциплин в становлении профессионализма и компетентности, в формировании нравственности и духовности, гражданских качеств. Многие из респондентов подчеркивают необходимость увеличения объема часов по ГСЭ блоку дисциплин. На вопрос: «Какие оценки получали по гуманитарным и социально-экономическим наукам?», около 90% респондентов ответили “хорошо” и “отлично”. В то же время от 50 до 70% студентов-выпускников оценили остаточные знания по названным дисциплинам как неудовлетворительные. Такую ситуацию можно объяснить слабой ориентацией ГСЭ дисциплин на будущую профессиональную деятельность выпускников и, зачастую, отсутствием гуманитарной направленности в процессе преподавания общеинженерных и специальных дисциплин.

До настоящего времени во многих негуманитарных вузах не осуществился процесс сущностной интеграции гуманитарных наук в систему высшего технического образования. В среде преподавателей и студентов все еще бытует мнение о бесполезности приобретаемых гуманитарных знаний, невозможности увязать их с получаемой профессией, временности высказываемых истин. Студенты не осознают ориентирующий характер социально-гуманитарных дисциплин в условиях существующей поливариантности взглядов на мир и неопределенности самой жизни.

Следовательно, в современной учебно-воспитательной практике гуманитарное знание не прошло еще путь от идеологии к научным истинам, а через них к пониманию и усвоению студенческой молодежью ориентирующего характера общечеловеческих и национальных ценностей.

3. В последнее десятилетие просматривалась тенденция к изъятию из образования вопросов, касающихся социальных целей и общественных устремлений, тех самых, которые недавно в гипертрофированно политизированном виде пронизывали и деформировали все содержательное пространство советского

образования. Обоснованием такой практики явился принцип деидеологизации общественной жизни.

Однако история уже доказывала неоднократно, что устранение идеологии вообще на деле означает отказ общества от собственного воспроизводства — и в его социальном, и в индивидуальном, человеческом аспекте. Это — уничтожение социального менталитета, осмысленных критериев развития общества. При этом необходимо учитывать, что старшее поколение не в состоянии сейчас передать молодежи не только свои прежние социальные ценности (от большинства из них оно само отказалось), но даже свой социальный опыт, поскольку он не работает в другой аксиомологической системе. Основной особенностью сегодняшнего мира является поиск новых мировоззренческих ориентиров, отличных от идеалов техногенной цивилизации.

4. Одним из концептуально важных способов управления качеством подготовки выпускников вузов является реализация компетентностного подхода к модернизации учебных программ.

3. Образование, в том числе и высшее, — неотъемлемая часть национальной культуры, а сама такая культура — «это душа народа», основа его самоидентификации, то, чем он интересен не только для себя, но и для других народов. Именно разнообразие культур, а не их унификация представляет собой ценность в постиндустриальном обществе в отличие от индустриального.

Пространственная мобильность — целевая установка Болонского процесса — проистекает из формирования единого рынка труда высшей квалификации в экономически единой или почти единой Европе. Россия не является частью этого единого экономического пространства. Она сама представляет собой естественную основу для экономической интеграции ряда независимых государств, часть из которых не входит в географические границы Европы.

В этих условиях было бы целесообразнее развивать так называемую «виртуальную мобильность», связанную с органичным включением в образовательный процесс современных информационных технологий. С их помощью можно было бы максимально приблизить само обучение к тому, что действительно требуется на конкретном региональном рынке труда.

**БУЛАТЕЦКИЙ Ю. Е., доктор исторических наук, профессор
Московский государственный университет Министерства
торговли РФ**

1. Считаю, что налицо глубочайший кризис в образовании вообще и высшем, в частности. Рыночный подход в системе высшего образования ни в одной из европейских стран мира себя не оправдал. Не случайно, в Австрии, ФРГ, Италии пропорция бюджетного ассигнования и средств потребителей составляет 90 к 10, в Великобритании, Португалии и Финляндии — 80 к 20, в Дании, Швеции и Ирландии — 70 к 30. В США половина на половину. Кроме этого в этих странах широко распространены специализированные кредиты, которые молодые люди могут взять в банке «под свою будущую заработную плату».

Как обстоит дело в России? Понятно, что не от хорошей жизни наши государственные вузы (бывшей социалистической страны, где высшее образование было бесплатно, а молодые люди принимались в вузы на конкурсной основе) резко увеличился прием «платных» студентов: ныне их доля составляет порядка 60–70 %. К сожалению, образовательные кредиты нашим студентам практически недоступны. Сегодня в рамках заявленного эксперимента Минобрнауки за 3 года предполагается выдать таких кредитов всего 7,5 тыс. на 6 млн российских студентов.

Если учесть, что на бюджетной основе часто обучаются т. н. «блатные» всех рангов, которые не блещут знаниями, то становится очевидным, что уровень подготовленности обучающихся очень низок. Не случайно, самой распространенной оценкой ныне является «удовлетворительно». Причем, преподаватели вынуждены ее ставить, чтобы сохранить контингент студентов и получать соответствующую доплату к очень низкой государственной заработной плате.

2. Здесь можно перечислять очень много проблем, в зависимости отготавливаемых специалистов. Думается, что все студенты должны были бы изучать Потребительское право: человек должен знать свои законные права и уметь защищать свои жизненно важные интересы. Во-вторых, он должен уважать и не нарушать такие же права других. Уже в студенческие годы должно воспитываться чувство социальной справедливости. В-третьих, особое внимание следует уделять культурному образованию, уважению к старшему поколению, вежливости, дисциплинированности и т. д.

3. Все будет зависеть от взаимоотношения с другими странами, особенно европейскими. Как говорят, к 2010 г. Россия должна стать полноправным участником Болонского процесса, который

подразумевает значительные перемены в системе высшего образования страны. Но между тем российские студенты вовсе не готовы становиться бакалаврами. Более того, как оказалось, 20% из них вообще ничего не знают о двухуровневом образовании по схеме «бакалавр — магистр». Абсолютное большинство по-прежнему хочет учиться пять лет и окончить вуз с дипломом специалиста, а 36% готовы получить степень магистра. В бакалавры готовы идти лишь 5% опрошенных студентов (см.: «Российская газета». — 2006. — № 269. — 30 ноября 2006 г.). Это с одной стороны.

Одновременно надо учитывать современную политику западных стран в отношении нашего государства, их попытку втянуть страны, созданные на постсоветском пространстве в НАТО. В свете этого говорить о глобальном и едином для всего мира образовании преждевременно.

Думается, что одинаковое, усредненное, единое образование, без учета традиций национальных образовательных моделей только повредит ему. Необходима конкуренция, которая заставит все лучшие качества национального образования, учитывающие особенности жизни и деятельности населения государства использовать в этом соревновании.

БУРАНОК О.М., проректор по научной работе, доктор филологических наук, профессор

Самарский государственный педагогический университет

1. Не кризис и не революция, а чиновничий беспредел; для развития образования необходимы эволюционные процессы на базе национальных традиций.

2. В образовательных программах высшей школы должны отражаться все наиболее значимые достижения общества, в первую очередь — проблемы гуманизации и гуманитаризации образования, интеграционные процессы, происходящие в культуре.

3. Высшее образование в конце XXI в. должно остаться национальным, но вписанным в мировое образовательное пространство.

БУРХАРТ (Ramm, Korosteleva M. Ramm).

Германия, Гамбург

Бурхарт по национальности немец. Заканчивал технический вуз. Работает логистом в компании по производству соков и соковых

концентратов. Жена, Мария, — экономист по образованию, окончила Санкт-Петербургский вуз, работает экономистом в частной фирме.

1. Свидетелями чего мы являемся: кризиса или революции? Однозначно ответить на этот вопрос трудно: есть и то, и другое.

И все-таки мы бы хотели видеть проблемы не в самой образовательной системе. И к кризису образования, и к ее революции ведет развитие экономики и общественной сферы. Возьмите компьютер. С этой техникой мы познакомились в вузах, но только познакомились, компьютеров было крайне мало, по вузовской программе практически нельзя было овладеть компьютером в полной мере и тем более использовать его. А вот сейчас мы своих детей водим в дошкольные учреждения, где их обучают работе на компьютере, и они уже мыслят по компьютерному. Или возьмите знание языка. Мы учили немецкий и русский как иностранные языки, а вот дети на диву хорошо овладевают двумя языками одновременно, главное в том, что они уже мыслят не через свой или иностранный языки, а вполне произвольно на любом языке, для них это обычное явление.

Вот поэтому, нам кажется, что образование вынужденно, объективно отстает от колоссальных перемен в жизни. И мы хотим поставить встречный вопрос: а может ли система высшего образования «угнаться» за этими переменами? Вряд ли. Эта система по своей природе более догматична, чем жизнь, модернизация, развитие. Поэтому нужно искать какие-то формы получения образования, которые бы позволяли человеку изучать то, что ему нужно, что он применит в дальнейшем. Соответственно и на работу принимать не по «бумажке», а по знаниям, умениям, создавать возможности для постоянного пополнения конкретных знаний.

Сопоставляя наши знания (полученные в Германии и России), трудно сказать, какое лучше: оба они как бы оторваны от того, с чем приходится сталкиваться в процессе трудовой деятельности. Если все мы понимаем, что переучиваться необходимо, то, может быть, какое-то базовое образование должно быть минимально-необходимым. Очень важно разработать маневренные программы обучения по каждой специальности с определенным набором предметов с тем, чтобы сам человек понимал, что ему нужно получить в процессе учебы. При этом должны быть открыты двери практически всех вузов и всех стран, в каждом из них могли бы быть своего рода центры, имеющие самые современные курсы, самых лучших преподавателей.

Вот нам кажется, что такая система может избежать постоянного и объективного кризиса системы образования.

2. Какие научные достижения и какие проблемы человека, культуры, общества, в том числе волнующие Вас, должны находить в образовательных программах высшей школы более полное отражение? Главным образом связанные со специальными знаниями и их всемерным расширением.

3. Каким, на Ваш взгляд, станет высшее образование в конце XXI в. — глобальным и единым для всего мира, локальным с возрождением традиций национальных образовательных моделей, каким-то еще или необходимость в нем отпадет вообще?

Верно и то, и другое. Германия и Россия имеют много общего для труда человека в различных сферах, но всегда будет своя специфика, условия, возможности...

Но кто и как бы хотел (или не хотел), но интеграция образования необходима, от нее не уйти. Вот и мы чувствуем разницу даже в номенклатуре изученного материала.

Скажем, врач... Какая разница, какой вуз и в какой стране он окончил, важно лишь, чтобы он знал новейшие достижения в области своего знания; знал, какие препараты наиболее эффективны и прочее. Вот здесь-то и важно не столько территориальное, страновое различие, сколько единство знаний, доступность научной литературы. Уже сейчас и в Германии, и России можно привести примеры лечения с помощью телевидения, Интернет и, если задуматься, то скоро этот прием станет обыденностью. На повестке дня: интернационализация знаний, умений, опыта.

Если нелюди не помешают развитию человечества, то глобализация образования принесет глобальную общечеловеческую пользу, и хочется надеяться, что наши дети будут образованы в глобальном масштабе и востребованы в мире.

ВАСИЛЬЕВ Р. Б., доктор технических наук, профессор

Государственный университет — Высшая школа экономики

1. Я считаю, что в системе высшего образования в России наблюдается кризис, в первую очередь, в области инженерно-технических наук. Проблема в том, что нет воспроизводства преподавательского состава, владеющего современными знаниями о технологических достижениях (особенно это касается области информационных технологий). Они преподаются на уровне двадцатилетней давности, а профессионалы из бизнеса или не хотят заниматься преподавательской деятельностью, или не обладают к ней

способностями. Кроме того, уровень оснащённости учебных заведений соответствующими техническими средствами исключает возможность адекватного уровня обучения. Выпускник требует «доводки» примерно два года; для работодателя это большие инвестиции. Отсюда «бешеная» конкуренция на рынке труда специалистов, соответствующих современным квалификационным требованиям и готовых к немедленному участию в производственном процессе. Эта проблема была успешно решена, например, в Индии за 20–25 лет участия государства в организации образования и инвестиций, которые в итоге привели к тому, что индийский экспорт только в высоких технологиях сопоставим с общим экспортом РФ, включая все энергоресурсы, вооружение, лес, металлы и пр.

2. Хочу привести пример ассоциации «*Career Space*», созданной мировыми лидерами информационных технологий с целью выработки рекомендаций европейским университетам в отношении того, чему надо учить студентов для того, чтобы они соответствовали современным квалификационным требованиям, предъявляемым самими лидерами. И это было воспринято университетским сообществом.

Речь идет о радикальном пересмотре образовательных программ и соответствующей переподготовке преподавательского состава и, в целом, о подготовке новых преподавательских кадров.

3. Я не претендую на роль Нострадамуса, но думаю, что в условиях очевидной глобализации экономики и технологической революции высшее образование должно стремиться к стандартизации. Выпускники в разных странах должны иметь возможность и работы в разных странах, что означает, в частности, признание дипломов, выданных разными университетами. Об этом, в определенной мере, свидетельствует и ход Болонского процесса.

**ВАСИЛЬЕВ Ю. А., доктор исторических наук, профессор
Московский гуманитарный университет**

Состояние сегодняшней образовательной системы можно оценить как предкризисное. Но все еще впереди...

1. Переход к Болонскому варианту образовательной системы неизбежно и объективно приведет сложившуюся в течение почти трех столетий российскую систему образования к системному кризису. Нынешние архитекторы образования «под Запад» забывают: российская образовательная система сложилась не в советское время: ее фундамент — дореволюционный. Даже творцы советской модернизации, озабоченные необходимостью прорыва к культуре *modernity*

(«образовательной революции?»), посчитали приемлемым вариант сложившейся основы русской дореволюционной системы.

Брать пример с сегодняшнего Запада, тем более подстраиваться под его интересы (примитивизация образования), — по крайней мере, неразумно.

2. Какие научные достижения и какие проблемы человека, культуры, общества должны находить в образовательных программах высшей школы более полное отражение? Осмысление глобализации во всех аспектах и проявлениях. Куда движется человечество: к развитию или деградации? Место России в грядущем мире. В частности, столкновение интеграционных и дезинтеграционных процессов, общего и самобытного — особенно в системе образования и воспитания, культуре. Подход к глобализации не только как к процессу, но как к современной методологии.

3. Опыт современных цивилизаций (японской, китайской, азиатско-тихоокеанского региона) свидетельствует о необходимости модернизации (в том числе образования) на основе собственной идентичности. Догоняющий вариант модернизации по западному образцу ведет в тупик... Что догонять?...

В истории России есть поучительные примеры развития на основе собственной идентичности, напоминающие, например, китайский вариант (Александр III в этом смысле олицетворял отнюдь не «контрреформы» — надо посмотреть на результаты).

ВЕРХОТУРОВ Д. Н., независимый экономический журналист, эксперт Института национальной стратегии, эксперт Центра изучения современного Афганистана

1. С моей точки зрения высшее образование в настоящее время в глобальном масштабе находится в кризисном состоянии, поскольку в значительной мере произошла утрата понимания целей и задач высшего образования; пока что оно неуклонно эволюционирует в сторону формального учета баллов и оценок, и «гонки за дипломами».

К основным кризисным явлениям высшего образования я бы отнес:

- 1) диспропорции между преподавательским составом и количеством студентов;
- 2) падение качества преподавательского состава;
- 3) чрезмерная перегруженность программ;
- 4) чрезмерная специализация обучения;
- 5) формализация образования;

б) резкое сокращение (вплоть до отсутствия) прививания навыков практического применения полученных знаний.

Вместе с тем, положение с высшим образованием не столь плачевно, как многим кажется. С моей точки зрения, во-первых, преемственность знания и образования поддерживается не только обучением, но и также и возможностью самостоятельного изучения научной литературы. Иными словами, если какие-то области знания будут утрачены в обучении, они могут быть восстановлены по сохранившимся публикациям. Во-вторых, огромное значение для образования имеет развитие электронных баз данных, библиотек и экспертных систем и отработка навыков работы с ними.

2. С моей точки зрения решающим в высшем образовании является постановка у студента профессионального навыка поиска, обработки и обобщения информации, поскольку объем научной информации давно превысил физические возможности ее освоения. Потому владение некоторой суммой знания в настоящее время недостаточно, ибо образованный человек рискует очень быстро выйти за пределы своей компетенции. Мало того, что полученных в высшем учебном заведении знаний сплошь и рядом оказывается недостаточно даже на начальных ступенях профессиональной деятельности, так еще многие проблемы и задачи требуют междисциплинарного подхода и выхода за пределы приобретенной специализации и полученной компетенции. Потому образование на основе принципа передачи определенной суммы знания, на мой взгляд, утратило свою эффективность. Потому и сам вопрос о том, что нужно включить в высшее образование, во многом является беспредметным.

3. Для устранения этого эффекта необходимо, с моей точки зрения, сконцентрировать внимание именно на методах добычи и обработки информации, с тем, чтобы «лозунгом» высшего образования стало, образно говоря, не «знать», а «как узнать». С точки зрения такого образования, сумма знаний потребует только для введения студента в определенные области знания, наук и специализаций, с тем, чтобы подготовить основу для развития навыка поиска и обработки информации.

Обученный человек, владеющий навыками получения и обработки информации, овладевший характерными для разных сфер знания (гуманитарной, технической, естественнонаучной) методами и приемами, в состоянии по мере необходимости изучить практически любой предмет. Стоит отметить, что навык добычи и обработки

информации стоит в тесной связи с практической деятельностью, а потому он обладает дополнительной ценностью.

4. Скорее всего, до конца XXI в. сложится глобальная система аттестации, когда документ о высшем образовании будет признаваться во всем мире без ограничений. Вероятно, это будет достигаться введением международных экзаменов по единым методикам. Можно предположить, что составной частью подобных экзаменов будет сдача теста на владение одним из иностранных языков, используемых как средство международной коммуникации в научной сфере.

Вероятнее всего, будут унифицированы многие методики обучения в преподавании значительной части дисциплин (в первую очередь, технических и естественнонаучных).

Наиболее консервативной частью высшего образования останется структура и организация высших учебных заведений, которая будет испытывать сильнейшее влияние национальных традиций в области образования.

ГИРНЫК А. Н., кандидат философских наук, профессор
Национальный университет «Киево-Могилянская академия»
(Киев, Украина)

1. На мой взгляд, мы переживаем период медленного эволюционного развития высшего образования. В Украине и России развитие образования в настоящий момент сосредоточено на освоении западноевропейского опыта. При бездумном копировании чужого всегда существует угроза утраты эффективно работающего своего, но вдумчивое заимствование зарубежного опыта — явление положительное.

2. Достижения организационной психологии и конфликтологии должны быть шире отражены в образовательных программах высшей школы, само преподавание этих дисциплин следует обязательно сделать практически ориентированным.

3. Наряду с существующими образовательными моделями появятся новые, которые окажут влияние на «старые» модели высшего образования, но не заменят их. В частности, кажется вероятным появление модели органического совмещения обучения и практической профессиональной деятельности, когда циклы получения знаний студентами и практического использования этих знаний в реальной профессиональной деятельности будут многократно чередоваться.

ГОНТМАХЕР Е. Ш., доктор экономических наук, профессор,
руководитель Центра социальной политики

Институт экономики РАН

1. С моей точки зрения, система образования, несмотря на некоторые положительные признаки, находится в глубоком кризисе. Это, выражается, во-первых, в деградации общедоступного бесплатного школьного образования (происходит концентрации лучших педагогических сил и ресурсов лишь в небольшом числе «элитных» платных школ), во-вторых, в фактическом развале системы среднего специального образования и, в-третьих, в низком качестве высшего образования, которое обеспечивают 2/3 вузов. На все это накладывается «возрастной тромб» (постарение преподавательского состава); отсутствие притока молодых сил, что уже через несколько лет поставит массовое высшее образование перед необходимостью его резкого свертывания.

2. Нужно существенно усиливать преподавание психологии и коммуникационных дисциплин (умение общаться с людьми, умение их организовать для решения конкретной задачи, умение формулировать цели и их добиваться).

3. К концу века высшее образование станет глобальным и всеобщим, по крайней мере в большинстве стран, к которым хотелось бы отнести и Россию.

ГРЕБНЕВ Л. В., доктор экономических наук, профессор Московского государственного индустриального университета, главный научный сотрудник экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

МГУ им. М. В. Ломоносова

Московский государственный индустриальный университет

«СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ» КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ

Безусловно, то, что сейчас называется высшим образованием и только становится массовым, во второй половине XXI века станет обязательным для практически всех, а потому потеряет часть своей узкопрофессиональной специфики в пользу «общего» образования. Точнее, сами элементы «профессионализма» будут рассматриваться как средства общего развития личности, тогда как сейчас наблюдается, скорее, обратная ситуация: общее образование выступает как основа, средство овладения профессией.

Поэтому надо рассматривать не одно только «высшее» образование, а всю систему так называемого «общего» образования,

которое начинается с первых вздохов человека и продолжается до последних.

Попробую описать «стандартную» траекторию образования человека середины и конца XXI века, выделив в нем три основных периода, радикально различающихся и формой и содержанием образования. Первый охватывает интервал «от нуля до десяти» лет жизни и заканчивается примерно тогда же, когда завершается «начальное общее образование», охватывая семейное воспитание, дошкольное (как возможное, но не обязательное) и начальную школу. Второй охватывает следующие 6–7 лет, а третий не имеет определенной верхней границы во времени и, вообще говоря, может продолжаться всю жизнь, поскольку нет предела развития «общей культуры личности». В любом случае его общеобязательная в XXI веке часть занимает еще не менее 4–5 лет, захватывая возраст, в котором в основном завершается первичная социализация человека.

Первый период: «школа свободы самовыражения»⁷, школа общения и приобщения к общей культуре человечества и, прежде всего — к своей собственной семейно-национальной культуре: языки — родной (с обязательным приобщением к сказкам и иным формам первичной социализации) и элементы еще как минимум одного-двух языков — как средства общения с инокультурными соседями, настоящими или будущими; искусства (музыка, танцы, изобразительные навыки) и коллективные спортивные игры, которые в следующем периоде переходят в режим «дополнительного образования» (детские музыкальные и спортивные школы, кружки, студии и т.д.). Для некоторых обучающихся приобщение к будущей профессии начинается уже в этом периоде общего образования. Выразительная (экспрессивная) направленность образовательной активности обучающегося приводит к доминированию образности во всем, включая математику. Ключевая образовательная парадигма данного периода: умелое тело (особенно руки) → умная голова (плюс доброе сердце).

На выходе: человек с чувством собственного достоинства и национального самосознания, умением оценивать результаты действий (своих и сверстников); развитое образное мышление, владение своим телом, включая мелкую пластику движений (особенно рук), умение выразить себя, свои мысли и чувства на родном языке в устной и письменной форме (грамматика пока не в счет), в движении; владение

⁷ Здесь и далее термин «школа» используется как синоним «школы жизни», а не как обозначение «заведения».

элементарными навыками презентации, выступления перед разной аудиторией; умение бегло читать на родном языке, общаться на бытовые темы на одном–двух других языках; умение свободно считать в уме и на бумаге, владеть элементарными знаниями (или пониманием) основ дискретной математики (комбинаторики и т.п. с опорой на игры типа шашек и домино, что готовит к изучению процессов, включающих неопределенность, случайные события).

Параллельно развиваются умение контактировать с людьми и вживаться в малые коллективы переменного состава, элементарные навыки дисциплины и самодисциплины, устойчивые навыки самообслуживания.

Было бы крайне полезно делать на выходе из первого периода объективные «замеры» в соответствии с принципом «контроль на выходе». Речь, конечно, не идет об экзаменах для четвероклассников, да еще в режиме «единого государственного экзамена», как это вводится для выпускников полной средней школы. Вполне достаточно традиционных массовых региональных мероприятий, включающих хотя бы элементы соревновательности, на которых достаточно объективно сопоставляются результаты разных коллективов. Наряду с нетравмирующим контролем, соревнования способствуют формированию чувства «чести коллектива», на котором основаны другие, более развитые «навыки» причастности к человеческим общностям.

Реализация описанного выше не требует разработки принципиально новых педагогических технологий — «всё уже придумано до нас», — но отношения в треугольнике: «дети — родители — педагоги/воспитатели (плюс врачи)» на основе применения «именных конституционных гарантий» неизбежно претерпят коренные изменения. Если кто и будет оцениваться на предмет эффективности использования бюджетных средств, то, скорее, не учреждения, оказывающие тот или иной комплекс образовательно-оздоровительных услуг, сколько непосредственные распорядители — родители. Ведь большая часть этого самого ответственного периода формирования *творческих способностей личности* — главного «ресурса» экономики XXI века — приходится на жизнь ребенка в семье.

В качестве «контролирующей инстанции» при этом будут выступать уже средние школы, принимающие выпускников «школы жизни первого периода». Примерно в этом же качестве выступали когда-то, в России — «до 1917 года», гимназии, в которые принимались уже

весьма подготовленные к дальнейшему обучению дети (скорее, подростки).

Второй период: «школа необходимости», школа приобщения к знаниям, школа аналитики и логики («формальной»), рассудка, точности и дисциплины (в том числе и «тупой», не размышляющей⁸); освоение предметных дисциплин как конкретных систем знаний. Важно не столько количество дисциплин, сколько максимально детальное и последовательное, системное изложение каждой из них. Тем не менее, в обязательном ядро должны входить два органически взаимосвязанных цикла: естествознание и обществознание с разделением (возможно, вариативным) каждого из них на дисциплины.

В рамках первого цикла: информатика с упором на алгоритмические языки высокого уровня как естественная школа одновременно логичного и конструктивного мышления, математика как классический пример абстрактного мышления, формирующего умение мыслить логично, доказательно, физика как классический пример экспериментальной науки, химия, биология⁹.

В рамках второго цикла: языкознание (родной и иностранные языки, причем желательно в сравнительной форме с использованием имеющихся знаний по всем осваиваемым языкам), история (мировая и отечественная как ее неотъемлемая часть); экономика и право как дисциплины, не уступающие другим в логичности и проработанности и в то же время наиболее ориентированные на осознание интересов людей; искусствоведение (наиболее массовый вариант — «литература», но возможны варианты).

Ключевая фигура второго периода (и вообще средней школы) — узкий предметник (понимающий, однако, свое место «в общем строю»). В старших классах следовало бы отказаться от коммуникации «рот — уши». В аудитории — только дополнение, закрепление и проверка знаний, умений и навыков, полученных школьниками самостоятельно из учебных и внеучебных материалов. Контроль (прежде всего текущий) —

⁸ В отличие от начальной школы, дающей гармоничное образование в рамках фундаментальных человеческих ценностей, присущих любой национальной культуре, государственная средняя школа не может не иметь «знаниевого флюса», односторонней ориентации на науку, на утилитарные ценности индустриального общества. Среди них и способность «действовать не рассуждая», абсолютно необходимая в разумных пределах.

⁹ Физическую географию и астрономию, крайне необходимые для понимания целостности мира, возможно, стоило бы полностью пустить на режим самообразования с последующей проверкой результата.

с широким использованием разнообразных тестовых технологий как инструмента формирования «механической» дисциплины¹⁰.

На выходе: гражданин/гражданка России (или любой иной страны) с развитым логическим мышлением, умением применять различные методы доказательств (правильности утверждений в рамках аксиоматических систем), обнаруживать и самостоятельно выстраивать цепи причинно-следственных связей, понимающий фундаментальность метода «проб и ошибок» и эксперимента в процессе приобретения новых знаний естественнонаучного и технического характера; обладающий навыками самостоятельного приобретения знаний по любым предметным дисциплинам, необходимым для освоения знаний по большинству массовых профессий, владеющий иностранным языком (навыками чтения, письма и непрофессионального общения), компьютером на уровне поиска информации в сетях общего пользования, умеющий фиксировать и контролировать индивидуальные доходы и расходы и анализировать основные данные текущей государственной статистики, имеющий четкое понимание своих прав и обязанностей как полноправного члена общества; аккуратный, обладающий устойчивой привычкой к соблюдению установленных правил, выполнению рутинных видов работ. Последнее крайне важно для поддержания технологической дисциплины в большинстве современных видов производств.

Параллельно: организованное участие в местной жизни (особенно помощь одиноким, пожилым и инвалидам), освоение навыков безопасной жизнедеятельности в основных практических ситуациях, способность осознанно относиться к собственному здоровью; твердое знание правил поведения в типичных и экстремальных ситуациях.

В целом по окончании второго периода человек должен быть готов к освоению массовых специальностей, которые существовали практически всегда и, по-видимому, еще долго будут существовать (прежде всего — «сфера услуг»).

Третий период: «школа свободы творчества», разума, школа синтеза знаний (междисциплинарного, межпредметного), умения понимать принципы функционирования сложных эволюционирующих объектов с элементами спонтанности (недетерминированности) изменений их состояний, систем с обратной связью, обладающих

¹⁰ Из этого описания видно, что средняя школа, в отличие от начальной, не должна претерпеть столь же крупных изменений ни по форме, ни по содержанию образовательных услуг. Она как бы моделирует «индустриальный этап» социального филогенеза в онтогенезе личности.

свойствами самоподдержания, самоизменения, саморазвития, включая циклические рефлексивные структуры, а также умения работать с ними и в их составе.

От метода «проб и ошибок» и связанных с ним рисков — к сознательному моделированию изучаемых явлений (не обязательно и не только математическому).

В отличие от второго периода (средней школы) упор делается на меж- (над-) дисциплинарные комплексы, поскольку движение от постановки цели к средствам ее достижения может приводить сразу в несколько разных предметных областей, которые требуется рассматривать во взаимной связи. При этом стоит: в комплексе естествознания делать акцент на формировании цельного экологического мировоззрения как одного из базовых элементов обеспечения общей безопасности, в математике особое внимание уделять освоению вероятностного мышления и соответствующих формальных методов, давать представление об естественных эволюционных процессах, взаимоотношениях порядка и хаоса; в обществознании прививать понимание спонтанности, недетерминированности как атрибута свободы, развивать нацеленность на обобщение проблем социальной эволюции человечества, понимание поведения различных субъектов, межсубъектных отношений.

К обязательным дисциплинам (наряду с философией, причем изучаемой, по возможности, с опорой на знания, полученные во всех остальных сферах, включая, может быть, фундаментальную профессиональную подготовку), следовало бы отнести теорию безопасности и, наверное, теорию конфликтов, психологию общения, управление (основы менеджмента).

На выходе: «человек мира»¹¹, умеющий: обнаруживать проблемы; вырабатывать способы их решения; критически оценивать получаемые при этом результаты — как непосредственные, так и отдаленные. Человек; способный формировать собственную аргументированную позицию по любым вопросам общественной жизни; готовый осваивать профессии, требующие именно высшего *общего* образования, развитые

¹¹ *Глобализация*, по сути дела, представляет собой процесс *преодоления отчуждения жизни отдельного человека от жизни человеческого рода*. Втягивание экономики страны в мировое хозяйство представляет собой важный, но не единственный элемент этого процесса. Не менее важно осознание неделимости безопасности, невозможности ее надежно обеспечить в каких-либо границах, «зонах». В идеале — развитое чувство причастности к мирозданию, помогающее осмыслить собственное существование.

психологические навыки работы в команде, понимающий и по возможности разделяющий принципы функционирования открытого общества (при этом терпимость к чужим и даже чуждым взглядам не означает терпимости к посягательствам на чье-либо человеческое достоинство), умеющий соотносить собственные интересы и интересы различных общностей, способный грамотно организовывать, как минимум, свою собственную деятельность, управлять самим собой, собственной жизнью.

ДАНИЛОВ А. А., доктор исторических наук, профессор, председатель диссертационного совета по отечественной истории, заместитель председателя экспертного совета ВАК

Московский педагогический государственный университет

1. Общественные дискуссии по вопросам образования, лишь отражают те более общие процессы, которые происходят в мире и в России. С одной стороны, ведущие мировые страны довольно стремительно движутся в сторону информационного общества. Замечу, что оно в своем конечном, «готовом» виде еще не существует нигде. Этот переход, кроме принципиально новых технологических процессов, изменившихся ориентиров и ценностей (в сравнении с обществом индустриальным), предполагает иное место и роль человека во всех не только производственных, но и общественных процессах. Если признать, что главной ценностью информационного общества является не просто информация и техника ее передачи, но и сам человек, то становится очевидным, что и образовательное пространство становится иным. Но вместе с ним, иным становится и сам человек.

Россия, как мы все понимаем, тоже находится на этом пути. Но, увы, в силу ряда исторических причин, лишь в самом его начале. Для нашей страны продвижение в этом направлении отягощено незавершенностью процессов индустриализации. Более того, в 90-е гг. все мы были свидетелями движения России в прямо противоположном направлении, когда утрачивалась та индустриальная основа, без которой построить современное информационное общество невозможно в принципе.

Если вернуться в связи с этим к проблемам образования, отмечу, что сегодня дискуссии ведутся не вокруг того, стоит или не стоит сохранять традиционную (во многом советскую) систему высшего и общего образования в России, а вокруг того, что следует менять, а что —

сохранять. Самое интересное, что часто в этих дискуссиях правы обе стороны: никто не спорит, что модернизация образования — веление времени, реакция на внешний вызов, без осознания которого у страны нет будущего; но ведь правы и те, кто считает, что демонтаж системы образования, которая и сегодня дает неплохой результат — опасен. Есть угроза не создав нового, утратить то, на чем держится сегодня современное российское общество. Ссылки при этом на то, что, мол, новая, планируемая система образования должна соответствовать задачам информационного общества, справедливы лишь отчасти. Ведь при этом следует учитывать и уровень развития современного российского общества, а это вовсе не информационное общество. И даже, по большому счету, не в полной мере индустриальное. Поэтому, на мой взгляд, образовательная система должна учитывать не только перспективы общественного прогресса, но и уровень готовности общества к переменам.

Кстати говоря, не в полной мере этот факт учитывают и те, кто готовит образовательные реформы. Не раз приходилось слышать: зачем нам столько специалистов с высшим образованием? Кто будет работать на производстве? Хотелось бы ответить им: если вы берете за образец модели развития системы высшего образования в развитых странах, то уж извольте учесть и еще одну его сторону: вот уже лет 20 во многих из них осуществляется переход к едва ли не к всеобщему высшему образованию. Государство тратит огромные средства на развитие образовательной системы в Германии, Англии, США, Японии, имея в виду, что в создаваемом там обществе любой грамотный человек нужен стране, даже если он и не работает по специальности.

Другой пример. Совсем недавно руководители образовательной системы России поставили задачу сохранения лишь нескольких десятков вузов страны в качестве опорных для развития вузовской науки. С этим было связано и изменение системы финансирования вузовской науки. Итог известен — в докладе Общественной палаты за 2007 г. с тревогой отмечалось, что сейчас среди преподавателей вузов страны исследователями могут считаться лишь 16%, в то время как в СССР их было 38%, хотя и этого мало (по современным мировым меркам). Но разве это не итог непродуманной образовательной политики? В том же докладе отмечалось, что сегодня в стране не более 50 вузов из 1000 реально занимаются исследованиями, а на всю страну наберется не более 200 действительно научных кафедр? Но разве это не плод того самого подхода, в основе которого лежало приоритетное финансирование как раз тех самых 50 вузовских центров науки и

образования, которые теперь остались? По иронии судьбы, автором доклада, в котором выражалась эта тревога, был тот самый человек, который и предлагал ввести именно такую систему. Видимо, о возможных последствиях ее внедрения он изначально не подумал...

И еще об одном... Нашему государству необходимо усвоить важный исторический урок, который вытекает из всего опыта реформирования российской системы общего и профессионального образования: успех любой реформы зависит не только и даже не столько от продуманности тех или иных мер, а от материальной обеспеченности решения этих задач.

Как помнится, в 2008 г. исполняется четверть века с начала реформы образовательной системы. Тогда тоже было все красиво написано и решено, да еще и контроль был за выполнением этих документов совершенно иным. Но все ушло в песок именно из-за отсутствия адекватного финансирования. Наивно полагать, что постановка совершенно новых задач, нацеленных на достижение иного качественного уровня, может быть решена лишь с помощью увещаний. По крайней мере, мировой опыт таких примеров не знал.

Поэтому, суммируя сказанное, хочу заметить, что, планируя и проводя образовательные реформы в современной России, следует иметь в виду не только необходимость ориентации на инновационный характер развития страны, но и достигнутый уровень развития самого общества.

2. Как гуманитария, мне ближе те вечные, непреходящие ценности, без которых ни в одном прошлом, современном и будущем обществе невозможно развитие личности. К числу главных отношу вопросы общей культуры. Это интегративная категория, в которую следует включать как общечеловеческие культурные ценности, так и особенности отечественной и национальной культуры. Упор же делается порой (особенно в рамках перехода к многоуровневой системе высшего образования) на другое — сугубо профессиональную подготовку. На мой взгляд, если в ходе реформы высшей школы мы пойдем по пути ее «профессионализации» в ущерб общекультурной составляющей — мы утратим больше, чем приобретем.

Дисциплины, которые позволяют достичь самоидентификации личности человека, тем более будущего высококлассного специалиста, должны по-прежнему составлять основу гуманитарного знания для любого будущего специалиста с высшим образованием. А это, как известно, — родной язык, отечественная история и литература.

3. Думается, глобальным и единым высшее образование не будет ни к концу XXI в., ни позже. Это и не обязательно, и не нужно, а в каких-то аспектах — и опасно. Даже в рамках такого большого многонационального, поликультурного пространства, каким является Россия, высшее образование должно включать наряду с общими, едиными для всех представлениями об окружающем мире, законах развития природы и общества, знания о своем собственном народе, его прошлом и настоящем, специфике его культуры, а главное — о собственном месте и роли в решении общенациональных задач с учетом современных тенденций мирового развития. На мой взгляд, высшее образование к концу нынешнего века будет многоярусным. Оно будет включать инвариантную, общую для всех часть знаний (главным образом, в естественнонаучной и технической сфере, с опорой на общие для всего мира научные достижения), а также более гибкую и полифоничную гуманитарную составляющую (с опорой на национальные и региональные традиции). Такая модель позволит сохранить при том общем, что всех нас объединяет, собственную специфику, национальное и культурное многообразие, в полной мере отражающее характер современного и завтрашнего человеческого сообщества. Процессы глобализации, конечно, затронут и эту сферу. Но они не должны привести к унификации и обеднению национальных образовательных систем. Более того, недоучет региональной и национальной специфики приведет вовсе не к прогрессу, а к негативным последствиям.

ДЖАХАЯ Л. Г., доктор философских наук, профессор, вице-президент АПН Грузии

Академия педагогических наук Грузии

Верно как то, что современная образовательная система переживает «глубокий кризис», так и то, что наметились «признаки образовательной революции». Ведь всякая революция — следствие переживаемого кризиса. Другое дело, что «революцией» часто величают не всегда очевидную скрытую контрреволюцию.

«Глобальным и единым для всего мира» высшее образование не станет ни в XXI, ни в XXII вв. (по причине цивилизационных расхождений): в одних странах образование сугубо прагматическое, в других — столь же откровенно религиозно-мистическое, оторванное от жизни, а в третьих высшее образование недоступно большинству населения, следовательно, практически не существует и т. п. Как известно, будущее многовариантно, поэтому даже квалифицированные

экспертные оценки и прогнозы чаще всего — «гадание на кофейной гуще». В конце концов, при большом желании и опираясь на мощную политическую волю, можно внедрить любую образовательную систему.

Я, как профессиональный философ с многолетним стажем работы в университетах Тбилиси, Софии, Братиславы, тем не менее, сейчас, на склоне лет, ратую не за родную философию, которую каждый волен сам выбирать по складу своего характера (как замечал Иоганн Готлиб Фихте: «Каждый выбирает себе такую философию, каков он сам»), а ратую за психологию, которая, в отличие от философии, строго научна, опирается на точные, опытные, экспериментальные данные, а потому однозначна и непререкаема, полезная абсолютно всем и служит людям во всех случаях жизни. Между тем в нынешней системе вузовского образования психологии нет. Мне же представляется, что именно психология, как теоретическая, так и прикладная, должна стать доминирующим приоритетом в образовательных программах высшей школы и преподаваться не только в вузах, но и в средней школе (с обязательной серьезной критикой парапсихологии, психоанализа, телепатии, телекинеза и прочей псевдонаучной чепухи).

ДОБРОВОЛЬСКИЙ Г. В., академик РАН, заслуженный профессор МГУ, директор Института почвоведения МГУ, главный редактор академического журнала "Почвоведение", дважды Лауреат Государственной премии в области науки и техники, дважды лауреат премии им. М. В. Ломоносова (МГУ) за научную и педагогическую деятельность в области почвоведения

Институт почвоведения МГУ

1. Думаю, что ни кризиса, ни революции в образовательной системе нашего времени нет, а идет естественный поиск совершенствования организации образования в новых условиях глобализации жизни человечества и новых требований XXI в., диктуемых быстрым расширением компьютерно-информационных методов и технологий в работе и общении людей.

2. В образовательных программах высшей школы более полное отражение должны найти не только высокий уровень фундаментальных и прикладных знаний, но и вопросы отечественной и мировой истории, культуры, обзоры и анализ важнейших достижений естественных и гуманитарных наук, а также повышения культуры устной речи и литературного языка. Девизом совершенствования образования должно быть единство науки, образования и нравственного воспитания.

3. Высшее образование в XXI в. должно развиваться естественным путем, т.е. путем сохранения и совершенствования национальных традиций образования с одновременным восприятием лучших достижений образования в других странах. Самым отрицательным явлением в организации образования может оказаться насильственное политико-экономическое навязывание всем странам единых требований и стандартов без учета исторически сложившихся в них систем образования.

ЕВСТИГНЕЕВ В. Р., *доктор экономических наук, профессор*
Государственный университет — Высшая школа экономики

1. Сегодня взгляды на состояние высшего образования кардинально различаются. Одни говорят о глубоком кризисе всей образовательной системы, другие видят признаки образовательной революции. А какова Ваша точка зрения?

Я полагаю, что нынешние поиски путей развития высшего образования связаны с размыванием понятия экспертизы. Что такое носитель высшего образования — «эксперт» для общества? Исключительный вред был нанесён культуре тем набором преобразований, который можно нестрого назвать «наследием 1968 года», прежде всего политкорректностью, которая препятствует утверждению положительных ценностей, ограничиваясь проведением отрицательных. Вследствие этого, с моей точки зрения, оказался размытым стандарт «эксперта», т. е. стандарт знаний, позволяющий их носителю притязать на соответствующее положение, особенно в области общественных и гуманитарных наук. На мой взгляд, перепроизводство лиц формально с высшим образованием и болонский процесс, который мне представляется попыткой противостоять этому перепроизводству, вводя более отчётливую градацию уровней образования, явились естественным следствием разгрома-1968. Итак — восстановление «эксперта»!

2. Какие научные достижения и какие проблемы человека, культуры, общества, волнующие Вас, должны находить в образовательных программах высшей школы более полное отражение?

Барт относил экономическую науку к семейству структурализма — и, хотя любое гуманитарное высказывание двусмысленно, я склонен

согласиться с этим утверждением. Моя исследовательская — а равно и производная от неё преподавательская — практика свидетельствуют, что перспективный путь — формализация поведенческих установок и реакций, осмысление общественных практик в терминах процедурной рациональности. Не берусь говорить обо всём круге наук, однако то, чем занимаюсь я сам, решительно требует такого сближения подходов.

3. Каким станет высшее образование в конце XXI века — глобальным и единым для всего мира, локальным с возрождением традиций национальных образовательных моделей, каким-то еще или необходимость в нем отпадет вообще?

Я почти уверен, что высшее образование в некотором существенном смысле вернётся к своего рода «цеховой традиции». По мере повышения общественного благосостояния будет повышаться (в пределе — до соотношения «один к одному») отношение количества преподавателей к студентам, так что в итоге выпускник будет выпускаться не столько с клеймом заведения или страны, сколько под «золотой печатью мастера». Статусный эксперт будет выпускать продвинутых экспертов. Здесь произойдёт нечто подобное переходу от макроэкономических сравнительных преимуществ к микроэкономическим конкурентным преимуществам во внешней торговле — с тем отличием, что микроуровень будет стремиться к физическому, а не юридическому лицу, т. е. это будут преимущества не столько университета, сколько профессора (ну, или его кафедры).

ЖОЛКОВ С. Ю., профессор Государственного университета — Высшей школы экономики; заместитель заведующего кафедрой прикладной математики и компьютерного моделирования РГУ нефти и газа им. И. Губкина.

**Государственный университет — Высшая школа экономики;
РГУ нефти и газа им. И. Губкина**

1. Сегодня взгляды на состояние высшего образования кардинально различаются. Одни говорят о глубоком кризисе всей образовательной системы, другие видят признаки образовательной революции. А какова Ваша точка зрения?

2. Какие научные достижения и какие проблемы человека, культуры, общества, волнующие Вас, должны находить в образовательных программах высшей школы более полное отражение?

В связи с первыми двумя вопросами, сформулированными организаторами конференции, рассмотрим следующие принципиальные проблемы образования в наступившем XXI в.:

1. Необходимость кардинальной перестройки образования в XXI веке и ее причины;
2. Принципы новой конструкции образовательных программ;
3. Принципиальные методы и средства практической реализации.

Указанные проблемы далеки от решения, но настоятельно требуют его — а как называть существующее положение, кризисом или революцией — не столь важно.

Прежде всего отметим, что высшее образование и среднее (включая начальное) составляют единую образовательную систему, цель которой помочь каждому найти свое место в мире и социуме. Поэтому при разумной и эффективной ее форме и обе стадии образования, и последующая деятельность неразделимы.

Количество технологических открытий и объем информации вообще находятся в состоянии экспоненциального роста, а количество часов в сутках все то же — 24. Селекция знаний и их структуризация — важная и насущная проблема. Однако устройство ума — еще более важная задача: «ум, хорошо устроенный стоит больше, чем ум, хорошо наполненный» (Мишель Монтень). Кратко выскажу соображения, как следует выстроить систему «наполнения и устройства» умов учащихся. Должны ли средняя и высшая школа заниматься духовным воспитанием — честно говоря, не знаю. Скорее всего, наставлением души следует заниматься все-таки тем, кто посвятил свою жизнь служению Богу.

Изначально необходимо учитывать, что вне зависимости от общей конструкции субъект обучения — человек, каждый в отдельности. А все люди разные — и по талантам, и по физическим данным, и по положению в семье и обществе, и по поставленным целям. Поэтому образование должно быть дифференцированным с правом широкого и свободного выбора. Личная точка зрения каждого из нас, так же, как и любого учащегося, должна выражаться возможностью свободного выбора наиболее близких по духу: образовательной программы и конкретного университета.

Но при сем основа, фундамент должен быть общим, это относится и к среднему, и к высшему образованию — различие будет, прежде всего, в глубине знаний и степени технического мастерства; конечно, высшая школа даст еще и новые знания а также специализацию.

Любые суждения по содержанию образовательных программ будут бесплодными, если не найдена конкретная форма их реализации. А высказанные мнения и оценки будут интересны и содержательны лишь тогда, когда они сформулированы в форме системного анализа и конкретных предложений, а не пророчеств.

В программном докладе (в качестве председателя предметной комиссии) на конференции по проблемам образования [1] В. М. Тихомиров выделяет два полярных типа обучения: учить, как пользоваться рецептами — учить думать самому. В указанном докладе оба подхода рассматриваются как взаимодополняющие, но в большинстве случаев авторы, по существу дела, их противопоставляют; противопоставление их не только в словопрениях, но и в реальной практике — ошибочная дилемма. На самом деле в каждой хорошей и эффективной образовательной программе (и в целом, и для конкретной специальности) должны быть гармонизированы идеи и технологии.

Необходимость вместить в современную образовательную программу новую информацию и новые методы исследования без перегрузки учащихся требуют кардинальной перестройки учебного процесса и методики преподавания. Изложение следует вести «циклическим» методом (В.Тихомиров называет его «стадийным» — от слова «стадия», а не «стадо»). Первый цикл — декларация идей, это — информация, наполнение ума; он должен включать основные проблемы и исторический путь становления данной науки (знания), все должно быть изложено интересно, понятно, с обязательным обсуждением значимости этих проблем: «перед войсками нужно поставить вдохновляющие цели» (Наполеон). Второй цикл — декларация методов, где четко описаны: выразительные средства (язык, исходные понятия, отношения между ними и правила действий); предположения (постулаты) и допущения; точные формулировки проблем и методы исследования; правила логического вывода; важнейшие результаты; заключения и интерпретации. Все без овладения техническими приемами, но с объяснением, что необходимо (и предстоит) сделать, чтобы превратить декларации в доказательные выводы. Третий цикл — созидательный курс включает технические приемы и доказательства (обоснования), их количество и глубина зависит от специализации и выбранного уровня подготовки. Многие школьники не хотят учиться думать, у части из них нет к тому способностей — в этом нет ничего постыдного: кто-то хочет стать архитектором, кто-то — каменщиком; *если б все хотели стать Ньютонами, тогда б не мог // И мир существовать, никто б не стал // Заботиться о нуждах низкой жизни; // Все предалась бы вольному искусству...* Образно говоря, если все станут ядерными физиками, кто будет делать прически нашим женщинам.

Определение структуры третьего цикла — тонкая проблема; ясно, что обязательный курс, определяющий минимальный уровень

умственного развития, должен задаваться госстандартом. Дальнейшее должны определять специалисты в конкретной дисциплине (науке).

Какие знания считать обязательными? Возможен следующий вариант. Абсолютно обязательны русский язык и литература, математика, история (разделенная на российскую и зарубежную и построенная не только как набор исторических фактов, но и как исторический опыт решения системных задач социума: политических, военных, экономических, социальных), философия и логика (как взгляд на мир в целом). Обязательны: основы важнейших естественных наук, музыка и история культуры, основы экономики и социологии, физическая культура, информатика. Иностранные языки должны быть включены в число дисциплин по выбору: учить школьника или студента языку, который он знать не хочет, — попусту жечь время.

Таким образом, набор вполне традиционен, но вот форма преподавания — принципиально иная, циклическая (как указано выше). В обязательных курсах следует оставить только те технические приемы, которые необходимы для решения отобранных важнейших проблем, чья значимость не должна вызывать сомнений у учеников. Что может быть бессмысленней (если не рассматривать выгоду репетиторов) долбежки технических приемов, которые не понадобятся в дальнейшей жизни? Это относится ко всем естественнонаучным дисциплинам, в первую очередь, к математике. К русскому языку это не относится — нужно заставить граждан России знать русский язык и грамотно писать на нем, то, что мы наблюдаем сейчас, недопустимо. В то же время выбранные проблемы должны быть четко сформулированы и полностью решены — и школьники, и студенты должны знать разницу между профессиональным решением проблемы и дилетантской болтовней, и иметь минимальную практику профессионализма. Также необходимо обсудить в форме диалога их значимость. По той же причине включена музыкальная культура: знание настоящей музыки (не только классической) может помочь отвратить детей от Бандар-Логов шоу-бизнеса.

Особое внимание хочу обратить на курс русской литературы, которая, как и отечественная история, являются важными элементами самоидентификации нации (не говоря о том, что человек, глубоко знающий литературу, живет дважды). Это просто беда, что школьники и студенты (исключая старшекурсников лучших профильных университетов) изучают не литературу, а авторов учебников или шпаргалки. Что, они читают Тынянова? Эйхенбаума? Непомнящего? А. Якобсона? Нет, они читают авторов учебников. Почему не возродить

прекрасную практику советских времен, когда лучшие литературоведы, профессора физики, математики... записывали телевизионные уроки? Почему не сделать такие уроки обязательными? Разве может даже лучший учитель рассказать о Пушкине и его творчестве так, как Валентин Семенович Непомнящий? Никогда.

Негодное обучение вызывает у школьников и студентов ненависть к предмету — и потом они, как человек, «хоть раз впитавший в себя плохое стихотворение, всю жизнь ходят как отравленные».

Я все время пишу о высшем и среднем образовании в совокупности потому, что, не обеспечив высокого уровня знаний и техники в выбранной специальности в школе, невозможно достичь надлежащих высот за 4–6 лет в университете (не считая, конечно, отдельных гениев). Кому нужно среднее высшее образование?

Что касается проблем собственно высшей школы, хочу остановиться на нынешнем положении математики в гуманитарном образовании и ее истинной роли в гуманитарных знаниях.

Процесс изгнания математики из гуманитарных образовательных программ превратился в форменную эпидемию — следует ли удивляться, что математическое невежество достигло таких высот, что чуть ли не все персоны, вещающие с телеэкрана, включая высших лиц государства, не отличают число от цифры. «Цифра» бродит в их умах в самом причудливом облике — говорящие прямо-таки соревнуются в изобретении новых «цифр»: «цифра в 42%», «цифра роста составляет 286 рублей», даже «цифра в один миллион» — чего только не услышишь. Стыдливая форма «эти цифры» положение не спасает: у нас, как известно, позиционная система счисления, одни и те же цифры могут составлять самые разные числа. Математическому невежеству правящего класса сопутствует опаснейшая иллюзия корректности почти всей деятельности, «освященной» компьютером. Теперь едва ли не каждый большой политик интересуется результатами моделирования различных сценариев развития событий, однако различные модели могут применяться безосновательно, без критического анализа и глубокого понимания их характеристик и границ применимости, потому что решения принимают совсем не те, кто способен разобраться в этих проблемах. Такие коллизии наиболее остры в социальных ветвях, где средний уровень математических знаний много ниже, чем в инженерии. Отметим, еще в XVIII в. академик маркиз де Кондорсе утверждал, что «все ошибки в управлении и обществе берут начало от философских ошибок, которые происходят от ошибок в естественных науках» (Доклад

«Проект декрета об организации общественного образования», зачитанный в Конvente в 1791 г.).

И почему Гёте, который, как известно, математиком не был, а министром в герцогстве Саксен-Веймарском был, понимал, что «числа не управляют миром, но показывают, как управляется мир», а нынешние «рулевые» с гуманитарным образованием смотрят на математику как на бесполезную в их деятельности беспутную дочь натурфилософии?

Скорее всего, основная причина в том, что математическая компонента гуманитарного образования сформирована математиками, далекими от проблем данной специальности. Программа математики составлена авторами в соответствии с внутренней логикой и традициями самой математики, собственно математика является в них самодостаточной целью. А для студентов и руководства этой специальности она видится как бессвязный набор ненужных им математических результатов и технических приемов непонятного происхождения и назначения.

Каковы же истинные роль и место математики в гуманитарных знаниях и деятельности?

Ответ на этот вопрос находится в теснейшей связи с архитектурой теорий. Решая какую-либо проблему в своей предметной деятельности, каждый исследователь делает заключения и принимает решения в соответствии со складывающейся в его голове теорией (большой или малой); качество этой теории и определит верность и значимость выводов. Не случайно, размышляя о «верном пути науки» [2, с. 15, 17], Кант неоднократно указывает на математику и Аристотелю логику. Действительно, как показывает анализ, рационалистическая структура знаний и теорий самой различной природы едина: выразительные средства — постулаты и допущения — правила логического вывода (доказательств) — точные формулировки проблем и техника конкретного знания — результаты и их интерпретация. Соответственно этим принципам построен второй образовательный цикл, при этом каждое предметное знание наполняет его конкретным содержанием. Математические стандарты критического анализа информации, строгость и полнота исследований, доказательность выводов — не просто эталон исследований, а знак высокого профессионализма и залог получения новых результатов путем критики посредством чистого разума не только в естественных, но и в гуманитарных знаниях. И это — не просто общие рассуждения («спекулятивная метафизика») — такие примеры имеются.

Как говорил Андрей Николаевич Колмогоров (в связи с применением математических методов к изучению стихосложения (!)):

«Высший уровень научного анализа и систематизации — это математизация. Математизация отнюдь не сводится к выражению явлений в числах, таблицах и графиках. Числа, таблицы и графики могут вообще отсутствовать. Главное в математизации — это создание такого описания явления, которое было бы безупречным с логической точки зрения, а математика выступает здесь в роли оценщика (и одновременно идеала) степени логической безупречности».

По-видимому, с легкой руки Галилея принято считать, что вся натурфилософия (естествознание) «написана на языке математики», т. е. математика является ее универсальным языком. К сожалению, вполне понятная мысль облечена в неудачную форму: на самом деле разные науки, более того, даже различные собственно математические дисциплины, имеют свой язык, математика же — универсальный и конструктивный образец метода исследования, а не универсальный язык. Кант, рассуждая об универсальном методе, неизменно превозносит опыт математики [2, с. 15–19 и далее], при этом подчеркивая ее конструктивность [2, с. 488, 423–429]. Конечно, математика — это и опыт «изощрения ума» (Алкуин) и гимнастика, которая «ум в порядок приводит» (Ломоносов), но главное — в том, что стандарт математического описания и исследования на самом деле является универсальным *методом*, в котором синтезированы форма и схема рационалистического исследования (по крайней мере, не то что лучших, а попросту иных модусов не найдено). А как квалифицировать математику и ее законы — как априорные (И. Кант, А. Кэли, Г. Кантор, Ш. Эрмит, Г. Харди...), или напротив, как эмпирические (К. Вейерштрасс, Р. Дедекин, Г. Вейль, У. Куайн, М. Клайн...) [3, XIV–XV], — частный (в сравнении с предшествующим) вопрос.

При этом ценность математического опыта еще и в том, что он учит подходить к проблеме с ключом «КАК ЭТО УСТРОЕНО?», а не «ЧЕГО ИЗВОЛИТЕ?». В.Тихомиров приводит яркие примеры, когда труднейшие военно-политические задачи были решены математиками, а не специалистами в конкретных областях знаний и деятельности (См.: 1). Причина в том, что понадобились не только новые технические приемы, но прежде всего, качественно новые подходы, требовавшие исключительно высокого уровня интеллекта в целом, а не обилия технических знаний. К тому же, никогда не следует забывать, ничто не устаревает так быстро, как технические новинки.

3. Каким станет высшее образование в конце XXI в. — глобальным и единым для всего мира, локальным с возрождением традиций национальных образовательных моделей, каким-то еще или необходимость в нем отпадет вообще?

Никаких футурологических прогнозов делать не буду. В данном случае не пройдет даже афоризм мудрого Черчилля: «Настоящий большой политик с умным видом делает неправильный прогноз, а потом с таким же умным видом объясняет, почему его прогноз оказался неверным» — все равно никто из участников данной конференции до конца XXI в., скорее всего, не доживет и справедливость сделанных прогнозов проверить не сможет. Также не буду стенать о кризисах, крахе и т. п. Желаящих футурировать и рефлексировать в Государстве Российском всегда было предостаточно, тем более, что деятельность такого сорта бессмертна.

Рассмотрим проблемы по существу...

В силу сказанного в ответе на первые два вопроса, высшее образование глобальным и единым для всего мира не станет (только в отдельных компонентах). Не станет оно (как образование в целом) и национальным: о каких национальных законах и технологиях в естественных науках может идти речь? Надеюсь, оно станет эффективным и профессиональным, а следовательно, дифференцированным. При этом, обязательно непрерывным: начальное — среднее — высшее — будущая профессия, выстроенным как собор, а не скопление барачков на лужайке.

Образование — часть деятельности социума (я не говорю о личном образовании — это субъективная трансцендентальная деятельность каждого индивида), поэтому институциональные проблемы не менее важны, чем сущность образования. Материальное и финансовое обеспечение, структура, механизмы функционирования, мотивация — все должно быть выстроено как эффективный социальный институт, причем, один из важнейших (кстати, при всей значимости материальной стороны необходимо четко понимать, что образование — не торговое предприятие). В настоящее время мы видим обратную картину.

В естественном отборе XXI в. сила будет следствием ума — разумное сочетание образования, науки и новых технологий — вопрос выживания государства. Соответственно истинному значению ума, науки и образования должен быть их престиж. Недопустимо, когда студенты смотрят на своих профессоров и ученых вообще как на неудачников, а государственная политика дает студентам все основания

для такой оценки. Напомню, Шекспир устами Гамлета наиболее непереносимым «унижением века» называл «насмешку недостойных над достойным».

Следует обратить столь любимые молодым поколением технические новинки во благо. Еще в 1982 г. комиссия Кокрофта (Великобритания) в своем докладе [5] квалифицировала как необходимость использование компьютерной формы обучения как правило, а не исключение (в элитарных школах). Неужели же мы, коллеги, глупее разработчиков компьютерных игр и не можем преподавать детям и студентам значительную часть технических приемов в форме интерактивной, интересной и естественной для обучающихся созидательной деятельности. Здесь кроется большой резерв — ведь ученики проводят в компьютерных играх и прочей близкой им деятельности многие часы — и не жалуется на усталость.

Не буду говорить об «образовании вообще» — меня больше интересует положение дел в нашем Отечестве. Среднее образование в целом провалено, я не говорю об отдельных отличных школах или учителях *self made*. Думаю, моим коллегам известно множество примеров, подтверждающих этот тезис; расскажу о последних, с которыми я столкнулся. Студенты одного из последних курсов специальности «прикладная математика», которых я учу, не знали о существовании стихотворения Блока «Незнакомка» — не текст стихотворения или его отрывки наизусть, а самое его существование, о Петрарке (не без усилий) вспомнили два человека. Напротив, студенты специальностей «философия» и «культурология» не знали, что такое периодическая дробь, иррациональное число или отрезок, что такое график функции, что такое длина окружности — а ведь им предстоит превзойти курс высшей математики. К тому же, и те, и другие пишут с грубейшими орфографическими и синтаксическими ошибками. При том, что их учили русскому языку и литературе и математике 11 (!) лет. Да за 11 лет можно козу научить теории Галуа! Значит, эти годы у них украдены. Что лучше *так* учить или не учить вовсе?! Наверно, так учили богословию Дидро в иезуитском коллеже в Лангре, а затем в парижском коллеже Д'Арктур, в результате чего он вырос в отъявленного безбожника — при этом в самом юном возрасте он был рукоположен в аббаты.

Кстати, недавно, мне пришлось столкнуться с молодыми людьми, которые впервые слышали Баха как рингтон для мобильного, и были вполне довольны собой, более того, их культурные сверстники, в их представлении, как бы «не в себе», недотепы.

Можно ли в ближайшее время возродить среднюю школу в целом? Сомневаюсь. Однако положение совсем не безнадежно. Вокруг лучших университетов следует сгруппировать профильные школы, выстроив обучение с начальных классов, как уже говорилось, «от цели», а затем увеличивать количество университетов экстра-класса, концентрируя вокруг них все большее число школ высокого качества. Псевдообразовательные учреждения, функционирующие по принципу торговых ларьков, следует уничтожить продуманным комплексом мер, в том числе, насильственных — эти ларьки не исчезнут сами собой (так же, как никогда не исчезнут стяжатели и прохвосты). И конечно же, не допускать ни к обучению детей, ни к руководству образованием (как институтом) дилетантов. Принято считать, что в России две беды: дураки и дороги. Нет! В России три беды — дураки, дороги и дилетанты, и третья из них — наихудшая.

Активнейшие из дилетантов — Бандар-Логи, которые могут лишь «повторять украденные слова» (Киплинг), способны дезорганизовать любой созидательный процесс:

«... Новые идеи неслись поверх умов какими-то сухими туманами, застилая глаза и не освежая мысли, а только оставляя на ней сорный осадок в виде пустых фраз, дурных манер, непристойных выходок против общепринятого и т. п. Наконец, тогдашний класс «просвещенных людей» составлял очень тонкий слой, который случайно взбитую пеной вертелся на поверхности общества, едва касаясь его. Отделенный от народной массы привилегиями, нравами, понятиями, предубеждениями, не освежаемый притоком новых сил снизу, он замирал в своих искусственных, призрачных интересах и никому не нужных суетах... им лучше было бы не иметь никакого образования, чем иметь такое, какое им дается...» [4, с. 374–375].

Когда математика станет обязательным образцом точности, строгости, профессионализма в гуманитарных науках, дилетанты побегут прочь так же, как они сейчас шарахаются от математики.

И последнее, необходимость в образовании отпасть не может: место отсутствующего учителя займет дьявол.

Надеюсь, перемены, которые произойдут в образовании в XXI веке, послужат интересам не только государства, но в первую очередь, благоденствию наших детей; к сожалению, оценка Т. Н. Грановского, что в России уже научились «славно умирать, но жить здесь никто не умеет» [4, с. 494], справедлива ныне так же, как и век назад.

ЛИТЕРАТУРА

1. Математика и общество. Математическое образование на рубеже веков (Конференция в Дубне 2002 г.). МЦНМО. М., 2000.
2. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
3. Клайн М. Математика. Утрата определенности. М.: Мир, 1984.
4. Ключевский В. О. Исторические портреты. М.: Правда, 1990.
5. Cockroft W. Mathematics counts: Report of the committee of inquiry into the teaching of mathematics in schools. London: H.M.'s Stat. Office, 1982.

ЗВЕРЕВ Я. И., *старший преподаватель кафедры зарубежной литературы*

Литературный институт им А. М. Горького

1. Отношение к первому вопросу — противоречивое. С одной стороны несомненна тенденция к интернационализации высшего образования и расширенному научному обмену, а с другой происходит размывание самого понятия высшего образования за счет снижения уровня требований к абитуриентам и фактического отказа от отчисления неуспевающих студентов.

Главная проблема — отношение к образованию как к услуге. При этом студент оказывается в положении клиента-покупателя, а преподаватель — в положение наемного работника. Это деформирует отношения учитель–ученик и при увязке штатного расписания ВУЗов с числом учащихся заставляет понижать требования.

2. В гуманитарной области необходимо вернуться к классическому набору: философия, история, филология, социология. Считаю нужным исключить для негуманитарных вузов курсы религиоведения и культурологии, которые предполагают углубленную специализацию и наличие предварительной гуманитарной подготовки. На гуманитарных факультетах это должны быть только спецкурсы в порядке специализации. Для студентов всех вузов необходимо расширить курс философии с акцентом на гносеологию.

Необходимо специально обучать студентов основам работы с библиотеками, научными архивами и иными информационными ресурсами...

Перспективы. Произойдет разделение высшего образования на общее высшее — аналог незаконченного высшего образования, которое будут давать новообразованные вузы, и собственно высшее, в котором сохранится российско-германская система обучения. Образование по Болонской системе в качестве высшего рассматривать нельзя. Причина неприятия Болонской системы — курс на девальвацию понятия «высшее образование» и ликвидация систематического обучения со специализацией по кафедрам.

КАЗАНЧЕВ Ю. Д., кандидат юридических наук, профессор,
начальник Центра качества

**Московский городской университет управления
Правительства Москвы**

Я полагаю, что очевидного кризиса образовательной системы сегодня нет. Не наблюдается и признаков образовательной революции. Да и нужна ли такая революция? Мне представляется, что Россия, примкнув к Болонскому процессу, впервые (на основе сравнительного анализа) получила реальную возможность оценить все преимущества и недостатки существовавшей в нашей стране образовательной системы и на этой основе определить наиболее оптимальный путь для ее совершенствования. Думается, что ряд руководящих работников образования несколько поспешно пытаются перенести на российскую почву европейский опыт, а он, как известно, не однозначно положителен. Ссылки на то, что подготовленные по европейскому образцу бакалавры и магистры, смогут быть востребованы за рубежом, по меньшей мере, не патриотичны. Кроме того, более или менее реальную возможность трудоустроиться там имеют лишь «технари». Специалистов социально значимых профессий за рубежом, как известно, вполне достаточно. Сегодня следует, на мой взгляд, спокойно и тщательно изучить достижения стран Европейского содружества, понять, какие из них действительно окажут положительное влияние на подготовку современных специалистов для нашей Родины, а затем планомерно внедрять в практику высшего образования.

Практически все наиболее актуальные вопросы человечества, культуры, общества и др. должны находить свое отражение в образовательных программах высшей школы. Думаю, что сделать не

столь сложно. Надо, наконец, отойти от практики, когда в вузе в полном объеме читаются лекции по истории, культурологии, естественным и др. наукам для гуманитариев, содержание которых ничем не отличается от школьных. Читать проблемные лекции — требование времени! А их на самом деле не так-то и много по каждой дисциплине. Высвобождаемое учебное время с наибольшей пользой нужно использовать для подготовки выпускников к практической деятельности. Для успешного решения задачи практико-ориентированного высшего образования можно воспользоваться опытом Европы. Тем более, что образовательные стандарты третьего поколения, учреждая компетентностный подход к результатам образования, дают вузам уникальный шанс для этого.

Каким будет образование в конце XXI в.? Определенно представляется только одно — оно будет! И будет еще более востребованным обществом.

Думаю, что образование, и в первую очередь, высшее, будет глобальным. Объединительные процессы в мире, безусловно, будут нарастать, а это потребует унификации компетенций в наиболее технологичных областях деятельности человека. Но одновременно с трудом воспринимается представление о том, что образование может быть единым. Исторические, географические, этнические и многие другие особенности жизни различных народов мира прямо или косвенно будут влиять на содержание образования, особенно в гуманитарной сфере. Другой вопрос: как наиболее эффективно использовать эти различия в интересах всего человечества? Конечно, со временем такие пути будут найдены. Оптимизм внушает опыт современной Европы по созданию своей системы образования, а также стремление России приобщиться к наиболее полезному в нем.

КАЛАНДАРОВ Т. С., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт гуманитарных наук Памирского филиала АН Республики Таджикистан

1. Я бы не сказал, что образовательная система находится в глубоком кризисе. Конечно, существуют проблемы, связанные скорее с политической конъюнктурой, нежели с образованием вообще. Отчасти для получения политических дивидендов культурная элита изменяет традиционные понятия и даже исторические реалии того или иного отрезка исторического времени. К примеру, идеология нацизма,

осужденная после Второй мировой войны, спустя несколько десятилетий снова идеализируется многими политическими силами в разных частях света.

Мы переживаем времена кризиса понимания «Благое слово», т.к. каждая политическая элита понимает это Слово по-своему. Если в одних странах студентам говорят о том, что любить себе подобного — это благое дело, то их сверстникам в других странах говорят совсем наоборот.

2. На мой взгляд, в образовательных программах надо учесть такие проблемы человечества XXI в., как экология, миграция, международная безопасность и т. д. Нельзя в сознании студента воспитывать тот «само собой разумеющийся факт», что одна часть света должна только употреблять дары Земли, а другая должна их только «отдавать»...

Миграция — еще одна реальность современного мира. «Плавильный котел» теперь уже не единственная символическая формула современных наций, которую до сих пор использовали для решения задач миграционной направленности. Для решения этих задач следует искать иные формулы, к примеру, «единство в многообразии».

3. Глобализация — естественное явление современного мира. Она, конечно, влияет на высшее образование. Думаю, к концу XXI в. чистых, автономных образовательных моделей не останется. Всякая образовательная система даже у самых маленьких культурных изолятов должна впитать в себя многое из глобальной системы образования. В противном случае конкуренция на интеллектуальном поле станет просто невозможной.

КАРТАШЕВ Павел Борисович (Отец Павел), протоиерей, настоятель Преображенской церкви с. Большие Вяземы, Председатель Миссионерского отдела Московской Епархии Русской Православной Церкви, преподаватель Коломенской Духовной Семинарии, кандидат филологических наук

**Московская Епархия Русской Православной Церкви;
Коломенская Духовная Семинария**

Пути усовершенствования не могут не сказываться на глубине и обстоятельности усвоения знаний и умений; к фундаментальной науке, путь к которой приоткрывает высшее образование, человеку современному приходится пробираться из периферии накопившихся за столетия и осевших мертвым грузом сведений. Но сердцевина всякого образования остается постоянной — это те передаваемые знания, которые ясно и определенно способны ответить на вечно актуальный

вопрос: какой «образ» человека ожидается в итоге образовательного труда, или «образ» какого человека, обладающего какими свойствами и возможностями и, главное, в чем полагающего смысл своего бытия? Беспринципное и нецеленаправленное образование не то чтобы не имело перспективы, оно, скорее, не должно иметь чести называться высшим образованием.

Научные достижения неизбежно окажутся в поле зрения создателей образовательных систем. Проблема, как мне представляется, заключается в том, что светское плюралистическое сознание релятивизирует круг понятий и тем, выражающих феномены человека, культуры, общества, выдвигая на первый план формальную изменчивость в ущерб сущностной неизменности. Наблюдается явный мировоззренческий дисбаланс: молодежная точка зрения на изучение мира и человека, отдающая приоритет текущему и будущему за счет традиции, становится доминантой в науке и образовании. Такому перекоосу никак не более ста лет, и последствия этого перераспределения оценок и требований еще не обнаружили себя достаточно ощутимо, хотя прогнозы возможны. Конкретно, в связи со сказанным, хотелось бы пожелать образовательным программам высшей школы большего внимания к духовно-нравственной составляющей гуманитарного знания.

Надеюсь, что высшее образование в XXI в., становясь глобальным — что закономерно и необходимо — сохранит, как полюс напряжения, национальное или конфессиональное своеобразие. Исчезновение полюсов означает наступление энтропии. Нынешняя глобализация в образовании является наследницей божественного дара общения, без которого невозможно становление сознательного, умелого и творческого человека. Поэтому всякая образовательная система должна выстраиваться как соразмерное и тонкое сопряжение центробежных и центростремительных тенденций с безусловным постулированием образа «целого», отвечающего на вопрос: какой образ мира, общества, человека будет получен в результате.

КАСАТКИН В. П., *доктор исторических наук, профессор*
Белгородский государственный университет

1. В сфере высшего образования современной России значительно увеличилось число государственных и негосударственных вузов, заметно усилилось стремление граждан к приобретению диплома. Само по себе это — неплохо, чего не скажешь в отношении качества образования. К настоящему времени более трети лиц с высшим образованием работают не по профилю. По некоторым специальностям

перекос становится весьма заметным; например, слишком велик выпуск юристов, экономистов, менеджеров. В то же время практически не востребованными стали такие специальности, как геолог, инженер и др.

Представляется, что Россия, примкнув к Болонскому процессу, получила возможности оценить преимущества и недостатки существовавшей ранее в нашей стране образовательной системы и на этой основе она сумеет определить наиболее оптимальный путь совершенствования своей образовательной практики. Как мне представляется, для нас совершенно не обязательно полностью переносить на российскую почву европейский опыт.

Но как бы то ни было, достижения европейских стран в проведении образовательной системы следует внимательнейшим образом изучить, чтобы понять, какие элементы этого опыта действительно окажут положительное влияние на подготовку нужных нам специалистов, а затем последовательно внедрять их в практику высшего образования.

Европейский опыт создания своей системы образования, а также стремление России приобщиться к наиболее полезному в нем внушает определенный оптимизм.

2. На мой взгляд, в программах высшего образования, прежде всего, должны быть отражены проблемы, позволяющие получить истинное глобальное образование. В числе таких проблем я бы назвал:

- 1) общегуманитарную подготовку;
- 2) развитие экономических, политических, технологических, экологических систем;
- 3) изучение универсальных проблем (война и мир, права человека, окружающая среда);
- 4) знание мировой истории.

3. Модернизация образования в XXI в. в каждой стране будет идти своим путем, что же касается унификации образовательных систем, то она возможна по основным регионам мира. Закономерно, что в XXI в. проблемы образования становятся приоритетными во всем мире, т.к. они определяют будущее каждой страны в отдельности и планеты в целом.

КОДЖАСПИРОВА Г. М., доктор педагогических наук,
профессор

Российский государственный социальный университет

Кризис или революция...

Самое страшное проклятие у китайцев звучит так: чтобы Вам жить во времена перемен. Мудрость этих слов в нашей стране мы постигаем

на протяжении последних 20 лет. Не пытаюсь анализировать сами общественные, экономические и др. преобразования в целом, остановимся только на том, как они повлияли и продолжают влиять на образование. Безусловно, положительные тенденции есть: образование пытается выйти на уровень современных требований, отвечать запросам государства и отдельного индивида.

Мы пытаемся соответствовать мировым тенденциям и стандартам. Образование стараются развернуть в сторону интересов личности. Значит ли сказанное, что происходящее в образовании в настоящее время, можно назвать революцией? Ведь революция — это резкая ломка, глубокое качественное изменение в какой-либо области того, что перестало устраивать в попытке получить какой-то более улучшенный вариант. С этих позиций ответ может быть положительным: да, можно сказать, что изменения в нашем образовании можно отнести к революционным. Но революция, по идее, должна изменить то, на что она направлена, от худшего к лучшему. А что мы имеем на практике?

Бесконечно подвергающуюся невыверенным с научных позиций изменениям общеобразовательную школу, которая уже сейчас демонстрирует ужасающе низкий результат в образовательной подготовке и воспитании своих выпускников. (Наличие двух–трех десятков сверхсовершенных школ, хорошо оснащенных, действительно вышедших на уровень субъект–субъектного педагогического взаимодействия, коренным образом общей картины не меняет. Кстати, по своему времени такие школы были всегда, даже если ограничиться историей после 1917 г.).

Переход на «подушевое» финансирование в школах приведет к их резкому обнищанию и свертыванию многих и образовательных, и воспитательных программ. ЕГЭ нацеливает школу лишь на натаскивание на ответы в тестовых заданиях, думать, рассуждать, да и просто элементарно понимать то, о чем спрашивают, не надо. Переход на двухступенчатую систему высшего образования в первую очередь будет направлен против общеобразовательной школы, т. к. для нее теперь будут готовить бакалавриат, который, не имея целью глубокую специальную подготовку, и при установке, что в магистратуру пойдут только лучшие выпускники бакалавриата, будет пополнять ряды слабоподготовленных учителей, представляющих собой очень посредственный контингент по своим интеллектуальным показателям и профессиональной подготовке. В высшую школу мы уже сейчас получаем в большинстве очень слабых абитуриентов, а при учителях–бакалаврах ситуация окажется просто катастрофической.

Само введение двухступенчатой системы — это целенаправленный крах высшего образования в стране. Для того чтобы выйти на западный, основательный практический уровень подготовки, у нас нет достаточного финансирования, т. к. такая подготовка — удовольствие дорогое. В 80-х гг. XX в. в педагогических вузах была введена непрерывная педагогическая практика с первого по выпускной курс. Это был период, когда вуз действительно качественно решал проблему профессиональной подготовки специалистов высокого уровня. Но большинство учебных заведений уже тогда, когда в целом практике уделяли большое внимание в профессиональной подготовке, не смогли организовать и содержательно наполнить такую длительную практику, т. к. в первую очередь к такой практической подготовке в целом оказался не готов педагогический корпус педвузов, а, во-вторых, это требовало значительных финансовых вложений. Непрерывную практику в педвузах сняли, и даже в педагогических колледжах ее свернули до недопустимого уровня. В настоящее время педпрактика начинается, в очень урезанном виде, лишь на третьем и даже — на четвертом, предвыпускном курсе. Откуда мы вдруг найдем средства на открытие центров практической подготовки и оплату практики, и как в одночасье научим организовывать и осуществлять практикоориентированное обучение преподавателей высшей школы, многие из которых вообще толком не знают, что такое практика?

Очень показателен в плане воплощения «революционных идей» в нашу систему образования опыт платного образования, которое должно свидетельствовать о том, что в стране функционирует альтернативное и вариативное образование. В результате, в целом правильная идея изначально реализуется безграмотно и полностью девальвируется. Основная часть студентов коммерческих вузов не соответствует требованиям высшей школы ни по степени готовности к обучению в вузе, ни по мотивированности на учебу. Система зависимости преподавателей и всего вуза в целом от денег студентов привела к потрясающе циничной обстановке, развращающей как самих студентов, так и преподавателей, когда студенты считают, что раз деньги заплачены, то диплом им обязаны выдать, а преподаватели не могут требовать качественных знаний, так как любой отчисленный за неуспеваемость студент уходит со своими деньгами.

О качестве образования в подобных условиях говорить не приходится, или иначе можно сказать, что о качестве образования в таких условиях можно только говорить, получить его реально — нет механизмов, тем более, что к обучению за деньги допускаются даже

психически и откровенно неадекватные юноши и девушки. Даже взрослые студенты вечернего отделения откровенно говорят профессору, что они не принимают его попытки предъявлять к ним какие-то требования. Они пришли в коммерческий вуз, чтобы законно купить диплом.

Работая в высшей школе свыше сорока лет (в разных вузах), я не могу сказать, что то, о чем пишется в газетах, журналах и диссертациях является «светлым настоящим» нашей высшей школы и образования в целом. А вот увеличение студенческих групп до 40 чел., составление расписания экзаменационной сессии таким образом, чтобы в день у преподавателя было от 60 до 100 студентов; при этом с установкой, что он должен укладываться в шесть часов рабочего времени, т. к. больше этого норматива ему все равно никто не заплатит; приход в аспирантуру по ряду гуманитарных специальностей абсолютно безграмотных людей и другие подобные «новшества» — реальность. Отсутствие даже разговоров о выходе на западный уровень в оплате преподавателей высшей школы в связи с переходом на западный вариант организации образования, говорит о многом...

Одним из основных достоинств новой организации высшего образования апологеты этой идеи считают мобильность студентов и преподавателей. С преподавателями — ясно; это действительно может расширить их кругозор и возможности, но вот то, что студент в течение срока обучения сможет учиться в разных вузах и странах является нововведением весьма сомнительным. Даже если такой студент будет учиться по семестру или по году в лучших вузах мира, он не получит качественного образования, т. к. никогда образовательные программы не будут унифицированы до такой степени, чтобы при подобном образовании человек получал качественное и высокого уровня образование.

К сожалению, перечень результатов «революционных преобразований» в образовательной сфере можно продолжить, но даже перечисленное со всей очевидностью свидетельствует, что речь идет не о революции, а о глубочайшем кризисе, который переживает не только высшая школа, но и вся система российского образования.

Если же говорить о том, какие научные проблемы и достижения должны получить отражение в программах высшей школы, НТО следует прежде всего договориться, о какой высшей школе идет речь. Если речь идет о высшей школе, уходящей от идеи фундаментального и качественного образования к идее ремесленного натаскивания на профессию, то какие достижения нужно вводить? Уже в настоящее

время в педвузах, которые хорошо известны автору, идет тотальное сокращение часов на педагогические и психологические дисциплины. Вводятся различные дробные курсы, по 16–20 ч., которые, по сути, носят лишь ознакомительный характер.

Много лет стоит, а в связи с переходом на бакалавриат, и будет еще более интенсивно муссироваться вопрос о самостоятельной работе студентов по всем учебным дисциплинам, поэтому в учебных планах формально количество часов на многие дисциплины за счет часов на самостоятельную работу выглядит астрономическим.

Но как говорится, «написали на бумаге, да забыли про овраги». Давно и громогласно говорится, что современные дети и молодежь все меньше и меньше читают, рефераты и даже курсовые и дипломные работы, во всяком случае, в гуманитарной сфере, «качают» из Интернет, зачастую даже не прочитывая то, что позаимствовали. При подготовке к семинарам в лучшем случае читаются учебники, с которыми многие студенты (даже старших курсов) катастрофически не умеют работать. Автор в течение всей своей педагогической деятельности пытается организовывать самостоятельную и самообразовательную работу студентов, но чтение дополнительной литературы, выходящей за рамки учебника, и серьезная работа с ней — удел незначительной части студентов.

3. Каким к концу XXI в. видится образование в мире и стране: глобальное и единое или локальное с возрождающимися национальными традициями? Думается, что локальное на основе национальной культуры и истории, но с учетом прогрессивных мировых тенденций, чтобы при сохранении ценного, что есть в культуре каждого народа, система образования обогащалась всемирным опытом. Попытки игнорировать и нивелировать национальные культурные особенности и ценности в мировой истории никогда не давали положительных результатов, а только обостряли национальное противостояние подобным глобализаторским тенденциям.

«Вольтер учил: «Чем люди просвещеннее, тем они свободнее». Его преемники сказали народу: «Чем ты свободнее, тем просвещеннее». В этом и таилась погибель» (Антуан де Ривароль, французский писатель, 1753–1801).

КОЛЕСОВА Е. В., кандидат педагогических наук, директор
Московского эколого-образовательного комплекса

Международный независимый эколого-политологический университет

1. Представляется, что сегодня нельзя говорить ни о глубоком кризисе высшего образования, ни (тем более) о каких-либо признаках образовательной революции. Сегодня мы видим некоторые попытки модернизации высшего образования (под влиянием Болонского процесса, например). Если говорить о кризисе образовательной системы, то, скорее этот кризис имеет место в системе «среднее — высшее» образование. Здесь тоже наблюдаются попытки модернизации, однако нет уверенности, что все они сыграют только положительную роль в преодолении кризиса, а не углубят его. «Закрытость» и «глухота» Министерства образования и науки по ряду вопросов не вселяет оптимизма.

2. На мой взгляд, это, прежде всего, проблемы взаимоотношения Человек–Природа–Общество; это деятельность человека, направленная на достижение более гармоничных отношений с биосферой. Поскольку в основном, человек активно преобразует окружающий его мир в процессе своей профессиональной деятельности, то в программах высшего образования необходимо делать специальный акцент на этих вопросах. Кроме того, поиск новых более гармоничных путей взаимодействия системы «Человек — Природа — Общество» — это теперь вопрос как стратегического развития России и мира в целом, так и национальной безопасности.

Россия подписала Стратегию Европейской Экономической комиссии ООН «Образование в интересах устойчивого развития», где достаточно полно нашли отражение вопросы взаимодействия человека и природы, но учебный курс, посвященный этим проблемам реализуется лишь в классических университетах (примерно 150 по РФ) на экологических специальностях. Представляется, что для России этого недостаточно.

3. Конечно же, высшее образование не только не потеряет своей актуальности, но станет еще более востребованным и актуальным. Сегодняшние тенденции в образовании больше говорят о его глобализации, нежели о локальности. Возрождение традиций национальных образовательных моделей в условиях все большей глобализации — явление заманчивое, но едва ли оно может стать приоритетным. Скорее всего — это могут быть некие универсальные образовательные модели.

**КОСТИНА А. В., доктор философских наук, профессор
Московский гуманитарный университет**

Сегодня одни говорят о глубоком кризисе, который переживает вся система образования, другие же усматривают за происходящим признаки образовательной революции. Что же, на мой взгляд, происходит на самом деле?

1. Система образования — подсистема социокультурного организма общества. Рассматривать образование в отрыве от процессов, протекающих в экономике, политике, идеологии, культуре, — попросту нельзя. Сдвиги — положительные или отрицательные — в одной из перечисленных сфер порождают перемены во всей системы. Потому-то процессы, связанные с интеграцией в мировое сообщество, вызывают необходимость изменения и образовательной системы. Можно ли такие процессы отнести к разряду революционных? Конечно, хотелось бы, чтобы эволюционные процессы преобладали над революционными. Отсюда и вывод: чем меньше разрывов с образовательной традицией, чем меньше отказов от той фундаментальности в образовании, которая всегда отличала российскую образовательную систему, — тем она выше.

2. Какие научные достижения и какие проблемы человека, культуры, общества, в том числе волнующие Вас, должны находить в образовательных программах высшей школы более полное отражение?

Прежде всего — проблемы, связанные с человеком и обществом; культурного многообразия. В этом — гарантия наименее конфликтного существования наций и народов. Проблема идентичности как основания для коммуникации; проблема специфики культуры и тех функций, которые выполняют в современном обществе высокая и массовая культура (с уважением к обеим и без снобизма); проблема сохранения связи с истоками, сохранения традиционного в инновационном.

3. Каким станет высшее образование в конце XXI в.: глобальным и единым для всего мира, локальным с возрождением традиций национальных образовательных моделей, каким-то еще, а может, необходимость в нем отпадет вообще?

Образование должно соответствовать потребностям общества, учитывать глобальные тенденции и, вместе с тем, оставаться локальным, опирающимся на национальные модели. Невозможно сохранить или пытаться восстановить советскую образовательную систему, которая соответствовала определенному этапу развития конкретной социокультурной системы. Нельзя и бездумно принимать чужие

образовательные стандарты, не учитывая породивший их контекст. России чужд «дух капитализма» и «протестантская этика», так что вряд ли здесь будут эффективными системы, построенные на тестировании и автоматизме. Эти системы рациональны, экономичны, но они — обеспечивая формирование навыков — в меньшей мере влияют на формирование мировоззрения.

КОСТИХОВА Марсела (*Marcela Kostihova*), доктор философии (*Ph. D.*), старший преподаватель

Колледж гуманитарных наук Hamline University (Сент-Пол, США)

1. Думаю, что мы находимся как бы в точке пересечения двух тенденций: во многих местах для образования имеются практически неограниченные возможности и одновременно мир как никогда стратифицирован. Все это позволяет тем, у кого для этого есть необходимые ресурсы и которые относятся к обеспеченным слоям населения развивающихся стран, могут получить отличное образование. Так что, располагая огромными возможностями для развития образования, мы стоим перед угрозой того, что в будущем образование выступит источником беспрецедентного неравенства.

2. Мне представляется, что следует серьезно заниматься проблемами, которые возникли в результате человеческой деятельности: нужны не только серьезные исследования окружающей среды (а также влияния на нее жизнедеятельности человека), но и активное изучение альтернативных линий поведения человека (эксплуатация, потребление, утилизация отходов, энергетика и т. д.). Образ жизни — важный партнер в этом деле.

3. Полагаю, что к концу века образование станет более стратифицированным, что явится следствием требований, выдвигаемых под предлогом «глобализма» в богатых странах, которые попытаются установить свои образовательные структуры в экономически менее развитых странах.

КРАСНОВ М. А., доктор юридических наук, профессор

Государственный университет — Высшая школа экономики

Проблема состояния высшего образования не может быть оценена, так сказать, на уровне впечатлений («мне кажется»). Но, судя по всему, именно так сегодня и происходит. А ведь чтобы на экспертном уровне рассуждать о кризисе или революции (что, кстати, не противостоит друг

другу, ибо революции часто и являются путем выхода из кризиса), требуется, прежде всего, понять, по каким критериям мы оцениваем состояние высшего образования. И только договорившись о таких критериях, мы сможем сравнить разные эпохи и страны.

Если же все-таки основываться на впечатлениях, то лично я не вижу в образовании кризисных явлений. Правда, в той сфере знания (праве), где я работаю, нужно будет посмотреть через десяток лет, как скажется переход на двухуровневую систему — бакалавриат и магистратура. За таким переходом стоят свои положительные и свои отрицательные стороны. Другое дело, что одновременно с таким переходом в любом случае должна быть пересмотрена вся система трудоустройства выпускников. Не секрет, что многие работодатели в России пока не очень доверяют квалификации «бакалавр». Так что и говорить нужно не о «кризисе и революции», а о переходе на новые организационные формы высшего образования...

Мы не вправе рассуждать о состоянии высшего образования, не понимая его современные цели, которые могут быть весьма разными (только не надо здесь отговариваться общими словами вроде «современного образованного человека, соответствующего новым потребностям»).

Спрашивается: а есть ли у нас (и вообще в мире) *четкое понимание целей высшего образования?* Думаю, нет, а ведь с них-то и надо бы начинать.

Одно дело — цели утилитарные (как в СССР: «народному хозяйству требуется столько-то инженеров-строителей, столько-то следователей, адвокатов и судей, столько-то врачей» и т. д.) и совсем другое — цели облагораживания общества. Это иной подход к содержательному наполнению высшего образования, к степени его доступности, к номенклатуре специальностей и пр.

На мой взгляд, высшее образование все заметнее утрачивает то, что, судя по историческим памятникам, присутствовало в нем, скажем, в средние века в Европе: *целостность восприятия мира*. Понятно, что с тех пор наука так дифференцировалась, что почти невозможно (из-за дефицита времени) выпускать «энциклопедистов». Но все же генеральная линия должна быть связана с попыткой вернуть в высшее образование цельность...

В этой связи мне очевидна *ущербность исключительно материалистической методологии*, заполонившей высшие учебные заведения. Изгнание из стен вузов того, что можно назвать

метафизической, идеалистической методологией, способствует не только «ремесленничеству», утилитаризму выпускников, но и потере нравственных ориентиров будущих ученых, исследователей. Как писал выдающийся русский мыслитель И. Ильин, *«не только традицию академической свободы утверждаем мы ныне, а еще другую, не менее священную, но более глубокую и столь часто забываемую традицию: не может быть науки без ответственности. Свобода подобает только тому и причитается только тому, кто чувствует и сознает ответственность жизни, науки и академического преподавания. Ученый, лишенный этого чувства, преподаватель, не воспитавший в себе ответственности перед Богом, перед своею совестью, перед родиной и перед людьми — есть явление извращенное и отвратительное. Он не учитель и не воспитатель, а растлитель воли и соблазнитель мысли, свобода преподавания им не заслужена и не оправдана, и писана не для него. Хочет ученый этого или не хочет, знает он это или не знает, — он есть воспитатель своего народа, его разума, его силы суждения, его характера, а потому ответственный строитель всей его культуры, всей, — ибо дух без разума скуден, темен и подвержен всем соблазнам. И религия без разума (без Логоса!) — есть лишь темная страсть и одержимость. А искусство без разума (без Предмета и Формы!) — есть лишь восстание хаоса, пошлое самоуслаждение и соврацающая демагогия. Нельзя национальной духовной культуре быть без разума, ибо разум есть начало очистительное и светоносное».*

Мы не можем и не должны, как мне кажется, заглядывать далеко вперед, пытаясь прогнозировать глобализацию или «национализацию» высшего образования. Нередко экспертные прогнозы принимаются властями как программы действий. И тогда они начинают «корректировать» действительность в угоду принятой концепции.

В конце концов, молодые люди должны сами иметь возможность выбора — учиться в той или иной стране или получать национальное образование. Только живое и свободное соревнование этих двух направлений должно выявить, за кем будет «победа».

Впрочем, этот вопрос вообще связан с тем, будет ли сохранена сама национальная государственность. Если нет, то и образование будет унифицированным. Но это будет уже иной мир. И ему будут смешны наши наивные сегодняшние попытки предугадать, как в этом мире будет строиться высшее образование.

Лично меня такая перспектива ужасает. Мир ценен именно своим разнообразием. Только разность потенциалов позволяет получить «энергию». Свободный обмен возможен только там, где есть «стороны».

Соревнование национальных школ — без кичливости, агрессивности, фанаберии — только оно способно развивать творческий потенциал. Любая унификация все мертвит.

Другое дело, что не исключен вариант некоего стихийно возникающего «разделения труда»... Где-то будут развиты школы физики, где-то — биологии, где-то — психологии и пр. В таком случае люди будут стремиться к получению наиболее качественного образования, пользуясь свободой передвижения и материальной доступностью образования. И на это они должны иметь право.

В то же время неизбежно останутся национальные школы — права, филологии, публичного управления, может быть, чего-то еще, которые по самой своей сущности являются национальными.

Наиболее существенная преграда для интернационализации (не путать с единством) образования — языковой барьер. Поэтому многое будет зависеть от качества преподавания языков еще в средней школе. И вообще рассуждать о высшем образовании, не рассуждая о среднем, — бессмысленно...

И последнее. Как среднее образование в современных развитых странах, в т. ч. И в России, стало всеобщим, так в конце (а может, и к середине) нашего столетия *всеобщим должно стать высшее образование*. И здесь удачным может оказаться введение двухступенчатой системы. Ведь высшее образование дает не только специальность для работы, но и, как правило, переводит человека на более высокую ступень развития.

Для наших дней опасна не только пропасть между богатством и бедностью, но и между людьми с разными уровнями образования. На высшее образование пора перестать смотреть исключительно как на условие для приобретения соответствующего социального статуса. Мы должны прийти к реализации идеи о высшем образовании как естественном условии жизни обычного цивилизованного человека, т.е. должны уйти от ныне существующего утилитарного восприятия высшего образования.

**КРИВОРУЧЕНКО В. К., доктор исторических наук, профессор
Московский гуманитарный университет**

1. В чем кризис? Не только Россия, но и весь мир придерживается сложившейся в прошлом модели системы высшего образования, структуры обучения. И все это время мы говорим о том, что выпускники вузов вынуждены переучиваться, придя на первое место работы, так что правы великие, когда говорят, что учиться надо всю жизнь. Но... не переучиваться... Тем более постоянно. Я бы этот процесс обозначил как «доучивание»: пополнение имеющихся знаний новыми.

В силу существующей системы обучения в вузе человек получает знания, которые ему не нужны в практической деятельности. Скажем, я изучал сопротивление материалов, щелкал формулами, чертил графики. Но эти знания в действительности оказались полезными лишь небольшой части специалистов...

Это первое и главное в кризисе мировой образовательной системы.

Второе — статус высшего образования. При приеме на любую работу учитывается (хотя бы формально) наличие высшего образования. В обществе бытует оценка человека по диплому, который служит своего рода барьером интеллигентности...

И третье — привходящие факторы... Скажем, студент имеет отсрочку от службы в армии. Отсюда «поползли» количественные показатели студентов, особенно на платной основе. Причем крутой рост численности студентов произошел уже на постсоветском пространстве, когда, казалось, должна брать верх рациональность.

Учась и работая в советской, а теперь в российской высшей школе я пришел к выводу, который, заранее знаю, не будет воспринят...

Оценка человека при приеме на любую работу должна исходить из оценки его знаний, дающих возможность занять определенное место посредством конкурсов, аттестаций, испытательных сроков; причем эта оценка должна быть прозрачной с участием соответствующего коллектива.

Отсюда человек, может быть, уже на школьной скамье или с первых шагов «свободного плавания» определяется с будущей профессией, уясняет, какие знания должен приобрести. И после этого определяется с учебными заведениями, в которых будет их приобретать (причем не в одном, а в нескольких вузах одновременно или последовательно). После этого он идет на конкурс, на «смотрины», представляет свое видение работы на конкретном участке. И уже после

того, как обоснуется на работе, начинает совершенствоваться, пополнять и обновлять знания, т.е. учиться всю жизнь.

Не исключаю, что должна быть какая-то исходная базовая составляющая образования вообще, а не высшего или среднего профессионального... В данном случае образовательная система может быть только платной. Это должны быть средства самого человека, фирмы, государства, т.е. тех, кто заинтересован в обучении конкретного человека, в подготовке конкретного специалиста.

Предложенное не исключает того, что в стране будет существовать какое-то количество классических университетов с традиционной формой обучения.

2. В существующей системе высшего образования должны быть приоритеты той специальности, которой овладевает человек, а также общегуманитарная подготовка.

3. Мне представляется, что основы образовательной системы должны носить глобальный характер. Но образование — часть общества, поэтому в разумных масштабах национальный аспект будет всегда.

Несколько замечаний в развитие поставленных вопросов:

1. Я — сторонник тех, кто выступает за сокращение числа вузов. Причем, независимо от их принадлежности к государственным и негосударственным. Вначале можно было бы ориентироваться на количество вузов в советское время. Но ведь и тогда ощущалась некая перенасыщенность учебных заведений. Поэтому сокращение количества вузов должно быть внушительным.

На этот счет уже есть, прямо скажем, противоречивые предложения. Будь моя воля, то я бы в каждом субъекте РФ имел один вузовский комплекс практически по всем специальностям. Конечно, разумные исключения могут быть сделаны для Москвы и Санкт-Петербурга. Но мне, например, не импонирует как масштабный рост МГУ, так и высказываемые соображения о расширении этого гиганта (по числу студентов) чуть ли не в два раза. Доказать этого не могу, но чувствую неминуемую утрату престижа фирменного диплома. Мне больше импонировал бы процесс «ужимания» размаха со значительным углублением качества обучения...

2. Нужны шаги по искоренению причин, стимулирующих искусственный рост числа студентов. Конечно, на первом плане стоит отсрочка от призыва в армию. Все должны выполнять свой гражданский конституционный долг, а потом уже определяться в жизни...

На первый план я бы вынес существующий «табель о рангах»: главным должен быть не диплом, а знания, навыки, практический опыт. Насколько я представляю, сегодня чуть ли не на каждой должности требуется высшее образование. В то же время далеко не везде действует конкурсная система, аттестация, испытательный срок.

3. Нужны действия по искоренению условий, тормозящих получение студентами глубоких, фундаментальных знаний. Прежде всего для студентов очного обучения следует запретить параллельную работу. В наши дни уже сложилась такая ситуация, когда для студента главным является работа (заработок), а лекции и занятия в вузе относятся как бы на «свободное время». Понятно, что материальное положение студентов тяжелое. Нужна особая подпитка, которую в большинстве случаев должна обеспечить семья. Мировой опыт показывает, что семья практически с рождения ребенка открывает семейный фонд на обучение детей. Хорошим стимулятором здесь является российская новация — материнский капитал.

Кстати, это касается и послевузовского образования: абсолютное большинство «очных» аспирантов работают и лишь по субботам слушают лекции или встречаются с научными руководителями.

В советское время аспирант мог подзаработать на «горящих» участках — разгрузке вагонов, уборке урожая и др. И процент защищавшихся зашкаливал за восемьдесят, а сейчас министерство установило критерий в 25%. Здесь провал во всем, в том числе и в том, что незащищенным 75% все три года государство платило стипендии, создавало условия, предоставляло льготы. Как видим, человек не отрабатывает прямые и косвенные произведенные на него затраты, что недопустимо.

Если человек стал студентом или аспирантом очной формы обучения, то, значит, для него учеба является основной областью деятельности. Если же таким полем является сторонняя работа, значит, он просто не может быть студентом и аспирантом. Это должно быть узаконено государством и строго соблюдаться...

В этом случае учеба в вузе или аспирантуре для него будет главным делом. Вполне логично, что она будет осуществляться действительно в свободное от работы время. Знания могут приобретаться одновременно от нескольких преподавателей или научных консультантов. Если он будет получать диплом о высшем образовании, то должен представить соответствующие документы об изученных курсах, в целом, отвечающим общеобразовательным критериям. Если будет защищать диссертацию, то может представить

подготовленную оригинальную работу в любой диссертационный совет, который будет рассматривать диссертацию по существу, независимо от того, где и как она подготовлена. Чтобы не было проколов и работ «под ключ», соискатель должен пройти обсуждение в научных коллективах, т.е. примерно так, как это было в нашей России в XIX в.

4. В моделируемой системе самостоятельного приобретения знаний и претенденте на получение диплома о высшем образовании и диплома об учености важны четкие критерии.

Скажем, ученая степень доктора наук требует, чтобы в диссертации было представлено новое направление в науке. Что это такое? Если по большому счету, то новые направления в науке не могут носить широкий характер, а значит перед нами — скорее исключительные случаи. Скажем, если по отечественной истории ежегодно защищается немалое число докторских работ, то априори все они не могут быть новыми направлениями в исторической науке. Но важно и другое — кто «судья», кто установит предложено ли новое или не новое направление в науке? Не переоценивая себя, гарантирую, что по большинству «проходных» работ я могу высказать замечания и доказать, что это, отнюдь, не новое направление; и наоборот, в приторможенных работах могу выявить немало добротного, но, конечно, не нового...

На протяжении последних лет я обстоятельно занимаюсь методологией наук. Но, кроме одиозных случаев, не могу назвать критерии, по которым диссертация не заслуживает утверждения.

В первом номере Бюллетеня ВАК за 2008 г. можно прочитать, что президиум ВАК отклонил ходатайство диссертационного совета Д 212.217.01 при Самарском государственном техническом университете о присуждении Волкову Л. П. ученой степени доктора физико-математических наук на основании защиты диссертации «Новые корреляции физических свойств веществ, способы их определения, прогнозирования». Аргументация решения: «Диссертация не отвечает требованиям Положения о порядке присуждения ученых степеней». В информации указаны официальные оппоненты и ведущая организация по диссертации.

В итоге Президиум ВАК на основании данного факта решил: «Прекратить деятельность диссертационного совета... за неудовлетворительную экспертизу диссертации Волкова Л.П.». И число решений с подобного рода формулировкой можно привести немало практически по всем научным специальностям.

Заметьте, президиум ВАК не информирует нас о том, по каким же критериям данная диссертация была отклонена, а для этого нужно проделать немалую работу, а прежде всего — надо хорошо понимать, что является определяющим при отклонении диссертации.

Волнует и другое. Отклонение диссертации влечет за собой закрытие совета. Почему? Если есть объективно провальные причины, то вопросов может и не возникнуть. Но я думаю (если не в этом, но во многих других известных случаях), что профессора — члены диссертационного совета, официальные оппоненты, представители ведущей организации — конечно же, не хотят нанести вред науке, не протаскивают халтуру. На основе своих знаний и практического опыта они ответственно принимают оценочное решение. И вот, по мнению отдельных, а то и какого-то одного члена экспертного совета отклоняется не только диссертация, но и перечеркиваются авторитет, знания 30–40 профессоров, в той или иной мере поддержавших впоследствии отклоненную диссертацию... Такого рода ваковские инсинуации, используемые им церберские методы, просто пугают. Они не служат интересам науки.

Отдав четыре десятилетия подготовке кандидатов и докторов наук, имеющий солидную научную школу, я все больше склоняюсь к тому, что лучше поберечь свое здоровье, не работать больше с аспирантами и докторантами, хотя бы для того, чтобы быть выше «ваковских» дрызг.

Свое мнение я никому не навязываю, тем более не пачкаю ваковский мундир, но, мне кажется, сказанное имеет далеко не частное звучание, а «вытягивает», простите, на государственное значение, на национальные интересы...

Пожалуй, определен только один критерий — количество публикаций в рецензируемых изданиях по списку ВАК. В правительственном документе фигурирует такая фраза — соискатель кандидатской степени должен иметь «хотя бы» одну такую публикацию. По докторским этот критерий был завуалирован: в этих публикациях должны быть раскрыты основные результаты исследования. Количество статей не лимитировалось. Судя по информации, приводимой на сайте ВАК, могу судить, что соискатели имели по 3–4 публикации, реже — 5. Но вот случилось чудо: 14 января президиум ВАК принимает эпохальное решение: рекомендуется иметь не менее 7 публикаций.

Никто эту цифру не оспаривает. Однако не слишком ли много «но...».

Самое последнее «но» — уже в январе председатель ВАК заявляет, что уже сейчас надо принимать в экспертные комиссии только те диссертации, авторы которых имеют 7 «ваковских» публикаций.

Очередной переполох и неправоное наступление — должно быть определено время для введения этого критерия. Даже на две публикации требуется от полугода до неопределенности, так как никто из держателей «ваковских» изданий не заинтересован в «чужаках». В полную силу при разумном подходе этот критерий можно вводить, скажем, с сентября, а вообще-то логичнее — с января. И тут возникает вопрос, которым почему-то не задаются: почему идет открытое попрание законных прав соискателей? Почему в такой тонкой отрасли, как наука, налицо — волюнтаризм? Похоже, выправить положение должен министр, но с его самым низким рейтингом, видимо, трудно осуществлять деловое руководство...

Но вопрос об этом «очевидном», количественном критерии существенно глубже. Могу аналитически доказать, что никакой логики в отнесении журналов к числу «ваковских» нет. Журналы издают лишь немногие учебные заведения; пробиться в них докторантам и аспирантам из других вузов, а тем более территорий, почти невозможно. Никто не определил обязанность (именно обязанность) редакций «публиковать» статьи «сторонних» авторов. Не решен вопрос и об оплате публикаций. В начале председатель ВАК говорил, что в этом деле коммерции не должно быть; потом он смиренно произнес, что оплачивать надо так, чтобы журналы платили налоги. Наивно рассуждая, можно представить дело таким образом, что Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки, а вместе с ней и ВАК не ведают, что стоимость публикации составляет значительную сумму, причем часто оплата происходит без квитанций.

Опять же порекомендую этим ответственным за развитие науки службам обратиться к историческому факту: будучи первым секретарем Ростовского обкома КПСС Н.Патоличев в магазине купил макароны, но так как бумаги не было, он подставил под макароны шляпу. Вот и работникам этих служб надо бы самим попробовать пробиться в эти журналы, подсчитать убытки и прибыли.

Личный пример. У меня, спасибо, большое число коллег, так что и мне приходилось заниматься публикациями докторантов. Так вот от сдачи статьи в редакцию до ее выхода в свет практически уходил год (конечно, речь и на «копейку» не идет о качестве публикаций, а только об организационном механизме).

Теперь о рецензировании. Мне довелось много лет быть членом редколлегии союзного журнала общеполитического содержания. Но одно дело дать общую оценку статьи, определить ее полезность и совсем другое оценить научность, новизну, оригинальность предлагаемой публикации. Здесь требуется целая команда рецензентов и все равно оценить работы, например, за всю отечественную историю, за все направления исторической науки просто невозможно. На мой взгляд, было бы правильно иметь небольшое количество авторитетных, ведущих журналов с большой периодичностью и с приличными объемами.

Примером мог бы послужить журнал «Отечественная история». При нем были бы приложения по периодам или направлениям науки, общая рецензионная коллегия. В этом случае рецензии были бы авторитетными, а статьи квалифицированно оцененными. В свою очередь оценка такой коллегией авторитетных ученых была бы большим подспорьем экспертному совету ВАК.

На V Международную научную конференцию «Высшее образование для XXI века» пока иду с плохим чувством. На защите одной докторской диссертации в МГУ им. М. В. Ломоносова неофициальный оппонент, как мне кажется, удачно сказал: «Если бы буржуазные фальсификаторы знали бы эту диссертацию...». Воспользуюсь шпаргалкой: «Понимают ли руководители министерства, федеральной службы, аттестационной комиссии, в какой шторм попал признанный корабль отечественной науки? Есть ли у них надежный компас или только шлюпки для самоспасения?»...

ЛЕДЯЕВ В. Г., доктор филос. наук, PhD (University of Manchester, Department of Government), профессор

Государственный университет — Высшая школа экономики

1. Я не склонен считать, что российская система высшего образования пребывает в глубоком кризисе. По крайней мере, я не считаю, что в области социального и гуманитарного знания она уступает той, которая имела место при коммунистическом режиме. С точки зрения содержания курсов она, бесспорно, даже сделала шаг вперед...

Ситуация в российском высшем образовании во многом отражает нынешнее состояние развития общества. Главная проблема, которая не только не решена, но и, на мой взгляд, фактически даже не формулируется, заключается в том, что заявленная властью «диктатура закона» остается декларацией. Слабость правовых начал и

превалирование неформальных практик не позволяют реализовать эффективные стратегии управления и обществом в целом, и его образовательной подсистемой.

Другая проблема, ограничивающая возможности российского образования — технократизм и маргинальное положение носителей знания и культуры в российском обществе: никакие изменения в организации образования не принесут желанный эффект, пока сохраняются нынешние пропорции в распределении бюджетных средств.

Я не склонен рассматривать изменения в организации образования, в частности, переход к Болонской системе, как революцию. На мой взгляд, качество образования зависит не только от характера организации образования, но и от: (1) квалификации преподавательского состава; (2) качественных характеристик студентов (абитуриентов) и (3) атмосферы в вузе. Мой опыт работы в Международном институте экономики и финансов (МИЭФ) показывает, что сочетание этих трех факторов позволяет обеспечить высокое качество образования.

Разумеется, не все вузы обладают необходимыми материальными и финансовыми ресурсами. Однако если качество образования действительно является приоритетным принципом, в соответствии с которым формируются стратегии подбора кадров, строго выдерживается требовательность к студентам (в МИЭФ на первых курсах отчисляется около трети студентов) и поощряется атмосфера интеллектуального творчества и соревнования («неприлично быть отстающим»), то хорошие результаты не заставят себя долго ждать.

2. Сложно перечислить все темы, заслуживающие особого внимания в структуре социального и гуманитарного образования. Отмечу лишь те, которые непосредственно касаются преподаваемых мною дисциплин.

В настоящее время в структуре общественного сознания российского общества все заметнее усиливаются имперские ценности (причины — отдельная тема): ценности государства, державы, стабильности, порядка, управляемости, традиционного уклада, самобытности явно превалируют над ценностями демократии, свободы, модернизации и вхождения в мировое сообщество. Данное обстоятельство вызывает серьезную тревогу, поскольку его неизбежным следствием является рост нетолерантности, ксенофобии и национализма.

Указанная тенденция сопровождается и в определенной мере «подпитывается» сохраняющимся пренебрежением к ключевым политико-философским проблемам в вузовских курсах философии и

политологии. При этом политическая философия и политическая теория продолжают занимать маргинальное место в структуре подготовки специалиста в области политической науки, в которой явно превалирует практическая (политтехнологическая) компонента. Сужение сферы политики (свободной игры политических сил) в условиях «суверенной демократии» и неприятие властью критической рефлексии со стороны интеллектуального сообщества могут, в конечном счете, иметь пагубные последствия для развития социума. Поэтому позитивные изменения в этой области гуманитарного знания возможны лишь с возвращением политики в российское общество.

3. Я уверен, что высшее образование в XXI в. действительно станет глобальным и единым, или, по крайней мере, для наиболее развитой части мира, в которой, я надеюсь, не последнюю роль будет играть Россия. «Суверенное (локальное, национальное) высшее образование», как и «суверенная демократия» — путь вникуда. Рассчитываю, что интеллектуальная элита сможет объяснить это элите правящей и обществу в целом.

МАЦУЕВ А. Н., кандидат исторических наук, заместитель начальника Управления аспирантуры и докторантуры

Московский гуманитарный университет

Оценка человека при приеме на любую работу должна исходить из оценки его знаний. Прием должен основываться на результатах конкурсов, аттестаций, испытательных сроков; причем, эта оценка должна быть прозрачной с участием соответствующего коллектива.

Мне думается, что российское образование не переживает период кризиса. Оно было лучшее в мире и таковым остается и на сегодняшний день.

Проблема — в самом государстве, которому не нужны специалисты. Видя это, у многих преподавателей опускаются руки, а качество преподавания падает. Преподаватель мельчает; он работает только, для того чтобы себя прокормить; сил же на самосовершенствование у него просто не остается. Социальная значимость труда преподавателя школы, техникума, вуза резко упала. Сама специальность девальвировалась, как, впрочем, упало и значение ученой степени. Стены вуза сегодня чаще всего покидают «серые специалисты».

С другой стороны, информационно многие студенты сегодня более подготовлены, чем преподаватели. По идее, такой преподаватель не имеет права входить в аудиторию. Такой преподаватель не может

вызвать интерес у студента. В глазах студента он теряет уважение и авторитет, а нужен лишь для того, чтобы в зачетке поставить оценку... Мы присутствуем при какой-то странной сделке, потому что и студент, и преподаватель понимают, что их труд и знания никому не нужны. Поэтому многие уезжают учиться и работать за рубеж: в жизни же все строится на интересе и потребности.

МИХАЛЬСКАЯ Н. П., доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор МПГУ, профессор кафедры всемирной литературы

Московский государственный педагогический университет

1. Я не вижу положительных результатов навязываемой насильственным путем «образовательной революции». Считаю, что кризис образовательной системы очевиден, но вполне устраним путем отказа от западных образцов, которые в настоящее время уже пересматриваются в ряде европейских стран, так как связанные с ними надежды не оправдались (Испания, Италия).

2. Гораздо большее внимание и большее количество часов следует уделить гуманитарным дисциплинам — литературе и истории. В общеобразовательных программах следует акцентировать проблемы взаимопонимания между людьми, между поколениями отцов и детей, между детьми старшего и младшего возрастов. Особого внимания требуют также проблемы моральной ответственности за совершенные антигуманные и аморальные поступки.

Считаю более продуктивным издавать не просто учебники, а учебники-хрестоматии по литературе (с подборкой соответствующих выполнению выше перечисленных проблем текстами художественных произведений). Язык учебников должен быть простым и ясным.

3. Образование будет необходимо всегда. Если же будут добиваться, чтобы образование «стало глобальным и единым для всего мира», чего, в сущности, быть не может, то уровень образования понизится столь сильно, что оно исчезнет вообще.

Лучшие национальные традиции, сложившиеся в образовании стран мира, в том числе и в России, должны быть не просто возрождены, но и развиты. Возможная модернизация должна проводиться с опорой на лучшие достижения прошлого, что отнюдь не мешает вводить инновационные курсы лекций, например, по имагологии, или взаимодействию различных видов искусств (литература и живопись), или по связи истории и культуры и пр. В нашей стране нельзя забывать о том, что русская литература, получившая мировое признание, является

нашим национальным достоянием и потому ей должно быть уделено особое внимание; рецензирование учебников, вузовских и школьных, должно проходить на высшем академическом уровне, т. е. в РАН, где существует соответствующий отдел по выявлению их научного уровня и соответствия требованиям современного образования...

Позволяю высказать свою точку зрения на обсуждаемые проблемы, поскольку имела возможность познакомиться с университетским и школьным образованием в ряде европейских стран (Англия, Италия, Германия). Наше отечественное образование, его традиции и уровень считаю высокими и верю в их дальнейшее плодотворное развитие, понимая, что для этого необходимо уничтожить сложившуюся за последние годы бюрократию, активно поддерживаемую Министерством образования и науки.

МОШНЯГА В. П., профессор, доктор исторических наук (Московский гуманитарный университет); МОШНЯГА Е. В., кандидат педагогических наук, доцент (Российская международная академия туризма); МОШНЯГА П.А., аспирант кафедры культурологии (Московский гуманитарный университет)

На протяжении двух последних столетий в области высшего образования непрерывно проводились реформы, которые были продиктованы необходимостью подготовки кадров в связи с развитием техники и внедрением ее в хозяйственно-экономическую деятельность.

Вопросы высшего образования особенно обострились в постиндустриальном (информационном) обществе в связи с внедрением во все сферы жизни компьютерных программ, Интернета и других т.н. мягких технологий. Так что признаки кризиса в системе образования налицо. Но этот вид кризиса, по нашему мнению, как раз и диктует необходимость реформировать систему образования с учетом новых технологий. Другое дело, что экономический уровень развития России и доходы абсолютного большинства населения не позволяют поддерживать нормальное функционирование платной вузовской системы. В связи с этим значительная часть студентов, аспирантов не имеют возможности в полной мере осваивать необходимые знания в процессе обучения в высшей школе. Выход видится в том, что необходимо значительно увеличить финансирование вузовской системы, объемы предоставления стипендий студентам и аспирантам на уровне прожиточного минимума, а преподавателям гарантировать достойную

заработную плату. Жизненные проблемы человека, культуры и общества должны в большей мере соответствовать реалиям как современного мира в целом, так и отдельных стран или групп государств.

Что касается проблем человека, то, как представляется, здесь на первом месте должны быть вопросы среды обитания, т.е. экология, нормальное питание, научно обоснованное здравоохранение и современный уровень образовательного процесса с максимальным внедрением в него компьютерных программ, Интернет, информационных технологий...

На первый план должны быть выдвинуты вопросы гуманизации и гуманитаризации всех аспектов образования, т.е. должно происходить естественное взаимопроникновение гуманитарных знаний в процессе изучения естественных и технических наук и технологизация различных аспектов гуманитарного образования.

3. Представляется, что высшее образование в конце XXI в. будет носить глобальный характер. Правда, крайне трудно представить, что высшее образование станет единым для всего мира. По мнению многих крупных футурологов, практически невозможно представить, чтобы уровень жизни 5,5 млрд чел. достиг уровня «золотого миллиарда» (мы исходим из того, что на рубеже XX и XXI вв. в мире проживало 6,5 млрд чел.). Отсюда можно сделать вывод о том, что в каждой стране или группе стран сохранятся национальные образовательные модели со значительными признаками информационного общества и глобализации.

МУКОНИНА М. В., кандидат психологических наук, доцент
Московский гуманитарный университет

1. Ответ на первый вопрос. В настоящее время взгляды на состояние высшего образования кардинально различаются: одни говорят о глубоком кризисе всей образовательной системы, другие видят признаки образовательной революции...

Обе приведенные точки зрения отражают радикальные мнения. На мой взгляд, более конструктивно в практическом плане было бы проанализировать положительную динамику в высшем образовании, а также те проблемы, которые требуют осмысления и дальнейшего решения.

В современной системе высшего образования наметились положительные тенденции. В частности, вузы предоставляют широкий спектр разнообразных, практико-ориентированных образовательных услуг, что, несомненно, способствует росту профессионализма и

конкурентоспособности молодых специалистов. Для широких слоев населения повысилась доступность платного образования, благодаря чему многие, из желающих его получить, имеют такую возможность. Кроме того, наметилась тенденция к сокращению числа вузов, ведущих некачественную профессиональную подготовку. Вместе с тем, многие современные высшие учебные заведения проявляют особую заботу о своем имидже; предъявляют высокие требования к персоналу и преподавательскому составу. В целом, современная российская система образования стала лучше реагировать на те изменения, которые происходят в стране, в социально-экономической и политической жизни общества.

Вместе с тем, целый ряд проблем пока нерешен. Одна из них заключается в том, что, несмотря на все положительные сдвиги в организации образовательного процесса, для многих выпускников уровень подготовки остается низким...

Заметно изменилось отношение самих студентов к высшему образованию. К примеру, предположение о том, что платное образование должно стимулировать, а где-то даже и подстегивать активность и ответственность студентов, на практике не всегда подтверждается. Студенты, оплачивающие свое обучение, зачастую считают, что тем самым они «покупают» себе диплом. Такие искаженные установки накладывают свой отпечаток на отношения между студентами, преподавателями и вузом. В целом же, это свидетельствует и о психологических особенностях современной молодежи, проявляющих себя на фоне проникновения экономических отношений в систему высшего образования.

2. Образовательные программы должны быть сбалансированными. Наряду с углубленной подготовкой по специальным предметам, необходимо уделять большее внимание так называемым «общим» дисциплинам.

Нужно расширять представления студентов о собственной и зарубежной современной истории, философии, политологии, экономике, культурологии, социологии, психологии и медицины. Важно информировать о достижениях в области современной науки и техники, обсуждать перспективы их дальнейшего развития (нанотехнологии и т. п.).

Главное здесь — совершенствование форм и методов подготовки по указанным направлениям. Такая подготовка должна носить проблемный характер, иметь выход на практику, способствовать осознанию и пониманию процессов, протекающих в обществе.

3. Мне кажется, что образование в XXI в. вряд ли станет глобальным. Скорее всего, в основе высшего образования будут лежать интегрированные национальные образовательные модели (например, европейская, американская, китайская, российская и др.).

В организации же будущей российской высшей школы, на мой взгляд, следует избежать подмены полноценного высшего образования внедрением программ узкопрофессиональной подготовки специалистов. Подобную политику пытаются проводить отдельные компании и организации, пытаясь минимизировать затраты на профессиональную подготовку.

НЕБЕЛЬ Клаус Петер (Klaus Peter Nebel), профессор, руководитель международной программы «Коммуникационный менеджмент»

Латвийская Академия культуры (Латвия, Рига)

1. Как свидетельствует история существует три состояния трансляции знаний:

- а) передача знаний отстает от общего хода развития общества;
- б) передача знаний «идет в ногу» со временем;
- в) знания опережают ход общественного развития.

Оптимальное условие — университеты удовлетворяют третьему требованию. Такого рода ситуация во все времена — свидетельство лучших времен в истории университетской жизни. Всемирная репутация немецких вузов XIX в. была основана на том, что в науке и в высшем образовании, а также в обществе господствовали свобода обучения, причем, об этом сегодня нередко забывают, в качестве экспертов выступала профессура. У кого были амбиции, тот учился в Германии, а после возвращения на родину он уже по-иному воспринимал происходящее у себя дома. Именно это составляли те различия между странами, которые являлись их достоинством.

В рамках Болонского процесса эти процессы уступают место процессам, преследующим цель достижения единообразия. В чем заключается интеллектуальная выгода, если, — допустим, будучи студентом культурологии — можно проводить третий семестр учебы не в Германии, а в Португалии, в которой преподают те же предметы? За этим мне видится мечта бюрократов и... кошмар ученых.

Утверждают, что такого рода новация принесет пользу экономике. Но так ли это? В качестве примера остановимся на химии. Чтобы овладеть знаниями, освоить массу материала требуется, чтобы срок обучения составлял минимум 5 лет. Степень бакалавра, которая должна позволить работать по профессии, присуждают после трех лет учебы. С этими знаниями в качестве химика на работу никого не примут. Шансы на трудоустройство человеку следует искать в других сферах. Так, в Германии существует профессия «лаборант-химик». Вероятно, в будущем эти обязанности выпадут на долю выпускников бакалавриата. В чем видится возможная выгода?... Аналогичным образом и архитектор–бакалавр может стать только специалистом по «саморазрушающимся новостройкам» — так переводится название немецкой панк-группы «*Einstürzende Neubauten*»...

2. Университеты должны создавать условия для становления личностей, обладающих навыками логического и последовательного мышления. Это вполне соответствует классическому идеалу образования, основы которого нам уже передали наши предки из древней Греции – основатели окцидента. Часть этого процесса — передача глубокого знания. Знание априори закреплено в глубине. Современная, часто звучащая исходная посылка, что человек по ходу своей жизни будет исполнять разные служебные обязанности, этот факт недооценивает. Тот, кто утверждает, что только таким образом можно выдержать глобальное соревнование, не только противоречит сам себе, но и говорит ерунду.

Одна из главных задач всех учебных заведений, особенно университетов, заключается в том, что они должны выступать в качестве авторитетного источника знания. Ведь в действительности для повышения уровня знаний к когнитивному знанию добавляется способность к убедительному изложению материала... Утверждение само по себе еще не представляет знание.

Специалисты, занимающиеся изучением человеческого мозга, знают, что для становления глубокого, когнитивно обоснованного знания нужно время, масштабы которого далеко выходят за время учебного процесса...

Еще одна задача высшего образования, касающаяся всего общества, связана с передачей тех базовых ценностей, которые не дают ему распасться. Даже в Германии, которая в этом смысле может послужить примером, коррупция и уклонение от налогообложения со стороны так называемых элит начинают «разъедать» понятие общего блага.

3. В конечном счете сформируется система, которая предоставит выпускникам наибольшие шансы для саморазвития. Рамки такому развитию, между прочим, ставит, прежде всего, — государство. В связи с этим стоит припомнить предложение отца социологии в Германии Макса Вебера: «Само по себе осознание того факта, кто будет господствовать, уже много дает для понимания системы».

И хотя вести разговор о конце XXI в. очень трудно, кое-какие выводы напрашиваются. У двухуровневой системы образования есть свой смысл: она не выдумка современности. Еще Фауст у Гете размышлял о пути своего образования...

Первый уровень высшего образования не должна быть чрезмерно кратким. Это основополагающая часть учебы, длительность которой не может быть меньше 8 семестров...

Не будем забывать, что обладателем степени магистра был и сам Иммануил Кант; а вот английский «мастер» звучит ближе к рангу американского унтер-офицера (*«Master Sergeant»*). Следует лучше знать свою историю и гордиться ею — это благотворно сказалось бы на национальных системах высшего образования. Кроме того, желательно было бы в максимальной мере развивать конкуренцию между вузами (что уже предполагает наличие различий). Сам по себе бренд означает такие различия. Вместе с тем конкуренция в рамках узких бюрократических препон ведет к окостенению. Желательно было бы, если бы преподаватели вузов снова испытали любовь к своей профессии, почувствовали свою ответственность за судьбы будущих поколений и общества.

**НИКОЛА М. И., доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой всемирной литературы**

Московский педагогический государственный университет

Я нахожу состояние нашего образования кризисным и не вижу благотворной перспективы выхода из сложившегося положения дел. Переход на систему двухуровневого образования пока не дал нам сильного (из лучших студентов) магистра, но зато оставил в виде бакалавра недоучившегося студента.

В значительной мере мы потеряли студента как такового, поскольку теперь в своей массе мы имеем дело с «работающим студентом», т. е. студентом, совмещающим едва ли не с первого курса работу (часто не по специальности) с учебой. Многие вузы (особенно филиалы), осуществляющие образовательные услуги на коммерческих началах, не обеспечивают должное качество подготовки.

В настоящее время лучшие выпускники выходят из тех вузов, которые сохранили или из последних сил стремятся сохранить свои лучшие традиции. Реформа высшего образования не была по-настоящему обсуждена в широких профессиональных кругах.

Думаю, что в программах высшей школы более важное место должны занять курсы философского и культурологического характера, формирующие мировоззрение человека. Например, более полноценный, чем это обычно бывает, курс истории философии, курсы культурной антропологии, современного естествознания. Если же говорить о проблемах, важных для дискуссий в студенческой аудитории, то здесь стоит обратить внимание на проблемы современных молодежных движений, навязываемой массмедиа философии потребления, современной культуры и псевдокультуры и т. д.

Образование никогда не было и не может быть глобальным. Безусловно, мы нуждаемся в национальной концепции образования, учитывающей как современное состояние общества, так и его перспективные потребности. Эта концепция должна соединять лучший образовательный опыт наиболее развитых стран, но опираться на лучшие традиции национального опыта. Пока же мы развиваемся в сторону непродуманного заимствования образовательных форм, разрушая при этом свой положительный опыт, проверенный временем.

НИСНЕВИЧ Ю. А., доктор политических наук, кандидат технических наук, профессор

**Государственный университет — Высшая школа экономики;
Российский университет дружбы народов**

В эпоху постиндустриального развития цивилизации главным ресурсом и основным капиталом страны становится ее человеческий капитал как множество граждан, обладающих широким спектром знаний и опытом их практического применения. Национальная система образования является ключевым механизмом формирования такого человеческого капитала.

В условиях постиндустриального транзита, когда под воздействием внедрения современных информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности общества и государства происходят качественные изменения социальной структуры общества и универсализация знаний, интенсифицируются трансграничные коммуникации, обмен информацией и знаниями, этот механизм нуждается в существенной и качественной реконструкции. Такая реконструкция, которую

необходимо осуществлять интенсивно и целенаправленно как первоочередную государственную задачу, если страна действительно стремится занять достойное место в мировом сообществе, должна обеспечить не только наращивание и повышение качества человеческого капитала, но и дать адекватные ответы на новые вызовы и угрозы постиндустриальной, информационной эпохи.

В этом контексте современное состояние образовательной системы России выглядит удручающим. Как представляется основная проблема, обуславливающая такое ее состояние, заключается в качестве профессорско-преподавательского состава российских высших учебных заведений. В условиях глубоких экономических и политических преобразований, которые начались в России в 90-е гг. XX в. и продолжают осуществляться с существенными издержками и ошибками, в силу объективных, прежде всего, материальных и социальных обстоятельств профессорско-преподавательский состав лишился наиболее перспективных в профессиональном смысле и социально активных кадров. Материально, социально и статусно, а как следствие и профессионально деградирующая образовательная система стала неспособна обеспечивать таким кадрам требуемый социальный статус, уровень материального благополучия и условия для профессионального и карьерного роста. Эти кадры оказались более востребованы и нашли себе применение в других сферах деятельности. Оставшиеся профессорско-преподавательские кадры за исключением небольшого числа действительно высоко профессиональных и преданных делу «подвижников образования» в течение длительного времени были заняты решением исключительно задачи личного выживания. Люди же с укоренившейся психологией выживания не способны и не могут реально осуществлять никакую реконструкцию. При этом приток новых молодых кадров в образовательную систему по тем же материальным и социальным причинам резко сократился.

К сожалению, в таком кадровом состоянии российская образовательная система прибывает и в настоящее время. Поэтому никакие даже самые совершенные организационные, методологические и технологические нововведения без качественного и коренного изменения кадрового состава не смогут вывести российскую образовательную систему из нынешнего плачевного состояния и тем более обеспечить ее необходимую в современных постиндустриальных условиях реконструкцию. До тех пор пока в российском обществе «господин профессор» не станет позицией с таким же высоким социальным статусом как в странах Европейского Союза и достойным

уровнем материального обеспечения, не требующим, по крайней мере, поиска дополнительных источников дохода кроме профессиональной деятельности, российская образовательная система будет обречена на деградацию.

В современных условиях «восстания масс» (Х. Ортега-и-Гассет) кроме главной задачи подготовки и переподготовки профессиональных кадров по конкретным специальностям на образовательную систему в целом ложится и такая принципиально необходимая для повышения качества человеческого капитала страны задача как задача повышения уровня общей, политической и правовой культуры. Поэтому, как представляется, в образовательные программы высшей школы в качестве обязательных вне зависимости от подготовки по конкретной специальности аналогично обязательному обучению иностранным языкам и навыкам практического использования информационно-коммуникационных технологий должны вводиться курсы основ мировой и национальной культуры в историческом контексте, политологии, теории государства и права.

Процесс цивилизационной конвергенции и универсализации знаний неизбежно приведет к необходимости выработки единых для всего мирового сообщества стандартов образования, но не более того. Единые образовательные стандарты ни в коей мере не должны и не будут определять необходимость инструментальной универсализации высшего образования. В постиндустриальную эпоху основной эффективной решения практически всех проблем и задач, стоящих перед человеческим сообществом, становится, инструментальная децентрализация и дифференциация методов и способов решения, единство их многообразия. Реконструкция национальной образовательной системы как раз и должна заключаться в адаптации позаимствованных из других образовательных систем эффективных в смысле обеспечиваемого ими уровня образования методов организации и технологий к национальной образовательной модели для того, чтобы устранить ее существующие недостатки и технологическое отставание при сохранении ее национально-страновых особенностей и накопленного исторического опыта. В частности, для российского высшего образования представляется принципиально важным внедрить более жесткую и технологичную систему организации образовательного процесса и оценки полученных знаний вне зависимости от бюджетной или контрактной формы обучения, ориентированную как на теоретическую, так и на опытно-практическую подготовку и гибко реагирующую на постоянно и динамично изменяющиеся общественные

потребности, что характерно для образовательных систем стран Европейского Союза и США. При этом необходимо сохранить начинающую, к сожалению, исчезать главную российскую образовательную традицию, основное и безусловное преимущество российского образования — создание на основе индивидуальных коммуникаций «учитель — ученик» и совместной научно-исследовательской работы преемственных научных школ с широкой сферой теоретических и практических интересов и широким познавательно-культурным кругозором.

ОНИЩЕНКО Э. В., доктор педагогических наук, профессор

Отвечая на первый вопрос, я бы хотела, прежде всего, обратиться к сфере своих научных интересов: истории образования и педагогической мысли. Как показывает накопленный человеческой цивилизацией опыт, любые кардинальные перемены, в том числе и революционные преобразования, невозможны без признания наличия стимулирующих их показателей кризиса в той или иной сфере культуры и обществе в целом, а все проводившиеся реформы были связаны с кризисными явлениями в образовании и определялись объективной или субъективной потребностью вхождения в мировое образовательное пространство.

Вспомним: традиции обучения на основе наследования общественно-исторического, накопленного предшествовавшими поколениями практико-ориентированного опыта были характерны для самостоятельно развивающихся языческих сообществ древних славян вплоть до проникновения христианства в X в. н.э. Им на смену пришло религиозно-церковное образование, характерное для византийской культуры. Схоластически-книжное обучение, характерное для допетровской России было трансформировано в эпоху кардинальной перестройки образования в рамках прорубленного Петром I «окна в Европу» и следующего этапа ориентации «на запад» и т.д.

Примеров можно привести немало. Однако для нас значимым становится не сам факт реформирования отечественной культуры образования, а то, в какой форме оно проводилось.

Обращение к общей методологии историко-педагогических исследований позволяет выделить два пути, характерных для использования «чужого» опыта. Русская культура, с характерными для нее менталитетом и системой традиционных ценностей всегда стремилась адаптировать посторонние влияния в соответствии с исконно русскими традициями. Именно поэтому я остаюсь в меньшинстве, среди

«наивных идеалистов и романтиков», убежденных в том, что доминирующая сегодня в контексте проводимых реформ тенденция «американизации» российского образования будет все-таки проанализирована, выделены позитивные и негативные ее проявления и проведена ее адекватная адаптация к потребностям человека и общества.

На мой взгляд, в наши дни следует уделить больше внимания поиску воспитательного потенциала тех дисциплин, которые изучаются студентами с целью их профессиональной подготовки. Это связано с тем, что специальные знания и умения будущие специалисты должны учиться применять в конкретных проблемных ситуациях, которые нередко провоцируются неумением общаться, брать на себя определенную ответственность и взаимодействовать, достигая позитивных результатов.

Человеческая цивилизация стремится к активному обобщению, объединению своих ресурсов и имеющегося потенциала (человеческого, интеллектуального, культурного, экономического, творческого и т.д.). Именно поэтому мы можем говорить о преобладании сегодня тенденций глобалистики.

Российское образование не может не учитывать утверждающихся требований времени. Думаю, что ориентация на развитие единого мирового образовательного пространства, большее внимание к профессиональной подготовке человека, возможность более динамичной подготовки в различных сферах деятельности, интересующих человека, будет наиболее адекватным направлением развития отечественной модели высшей школы.

Ну а отсутствие высшего образования — начало кризиса всей человеческой культуры и нашей цивилизации.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей.....	3
ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ, ЗАДАННЫЕ ОРГКОМИТЕТОМ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ Международный опрос, 2008 год	
АЛЕКСЕЕВ С. В. , доктор исторических наук Московский гуманитарный университет.....	4
АРСЮТКИНА Л. Н. , кандидат экономических наук Академия управления при Президенте Республики Беларусь (Минск).....	5
БОДРОВА Е. В. , доктор исторических наук, профессор Московская государственная академия приборостроения и информатики.....	6
БУЛАТЕЦКИЙ Ю. Е. , доктор исторических наук, профессор Московский государственный университет Министерства торговли РФ.....	13
БУРАНОК О.М. , проректор по научной работе, доктор филологических наук, профессор Самарский государственный педагогический университет.....	14
БУРХАРТ (Ramm, Korosteleva M. Ramm). Германия, Гамбург.....	14
ВАСИЛЬЕВ Р. Б. , доктор технических наук, профессор Государственный университет — Высшая школа экономики.....	16
ВАСИЛЬЕВ Ю. А. , доктор исторических наук, профессор Московский гуманитарный университет.....	17
ВЕРХОТУРОВ Д. Н. , независимый экономический журналист, эксперт Института национальной стратегии, эксперт Центра изучения современного Афганистана.....	18
ГИРНЫК А. Н. , кандидат философских наук, профессор Национальный университет «Киево-Могилянская академия» (Киев, Украина).....	20
ГОНТМАХЕР Е. Ш. , доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной политики Институт экономики РАН.....	20

ГРЕБНЕВ Л. В. , доктор экономических наук, профессор Московского государственного индустриального университета, главный научный сотрудник экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова	
МГУ им. М. В. Ломоносова	
Московский государственный индустриальный университет.....	21
ДАНИЛОВ А. А. , доктор исторических наук, профессор, председатель диссертационного совета по отечественной истории, заместитель председателя экспертного совета ВАК	
Московский педагогический государственный университет.....	27
ДЖАХАЯ Л. Г. , доктор философских наук, профессор, вице-президент АПН Грузии	
Академия педагогических наук Грузии.....	30
ДОБРОВОЛЬСКИЙ Г. В. , академик РАН, заслуженный профессор МГУ, директор Института почвоведения МГУ, главный редактор академического журнала "Почвоведение", дважды Лауреат Государственной премии в области науки и техники, дважды лауреат премии им. М. В. Ломоносова (МГУ) за научную и педагогическую деятельность в области почвоведения	
Институт почвоведения МГУ.....	31
ЕВСТИГНЕЕВ В. Р. , доктор экономических наук, профессор	
Государственный университет — Высшая школа экономики.....	32
ЖОЛКОВ С. Ю. , профессор Государственного университета — Высшей школы экономики; заместитель заведующего кафедрой прикладной математики и компьютерного моделирования РГУ нефти и газа им. И. Губкина.	
Государственный университет — Высшая школа экономики; РГУ нефти и газа им. И. Губкина.....	33
ЗВЕРЕВ Я. И. , старший преподаватель кафедры зарубежной литературы	
Литературный институт им А. М. Горького.....	43
КАЗАНЧЕВ Ю. Д. , кандидат юридических наук, профессор, начальник Центра качества	
Московский городской университет управления Правительства Москвы.....	44
КАЛАНДАРОВ Т. С. , кандидат исторических наук, старший научный сотрудник	
Институт гуманитарных наук Памирского филиала АН Республики Таджикистан.....	45
КАРТАШЕВ Павел Борисович (Отец Павел) , протоиерей, настоятель Преображенской церкви с. Большие Вяземы, Председатель	

Миссионерского отдела Московской Епархии Русской Православной Церкви, преподаватель Коломенской Духовной Семинарии, кандидат филологических наук

Московская Епархия Русской Православной Церкви;

Коломенская Духовная Семинария.....46

КАСАТКИН В. П., доктор исторических наук, профессор

Белгородский государственный университет.....47

КОДЖАСПИРОВА Г. М., доктор педагогических наук, профессор

Российский государственный социальный университет.....48

КОЛЕСОВА Е. В., кандидат педагогических наук, директор Московского эколого-образовательного комплекса

Международный независимый эколого-политологический университет.....53

КОСТИНА А. В., доктор философских наук, профессор

Московский гуманитарный университет.....54

КОСТИХОВА Марсела (Marcela Kostihova), доктор философии (Ph. D.), старший преподаватель

Колледж гуманитарных наук Hamline University (Сент-Пол, США).....55

КРАСНОВ М. А., доктор юридических наук, профессор

Государственный университет — Высшая школа экономики.....55

КРИВОРУЧЕНКО В. К., доктор исторических наук, профессор

Московский гуманитарный университет.....59

ЛЕДЯЕВ В. Г., доктор филос. наук, PhD (University of Manchester, Department of Government), профессор

Государственный университет — Высшая школа экономики.....65

МАЦУЕВ А. Н., кандидат исторических наук, заместитель начальника Управления аспирантуры и докторантуры

Московский гуманитарный университет.....67

МИХАЛЬСКАЯ Н. П., доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор МПГУ, профессор кафедры всемирной литературы

Московский государственный педагогический университет.....68

МОШНЯГА В. П., профессор, доктор исторических наук (Московский гуманитарный университет); МОШНЯГА Е. В., кандидат педагогических наук, доцент (Российская международная академия туризма); МОШНЯГА П.А., аспирант кафедры культурологии (Московский гуманитарный университет).....69

МУКОНИНА М. В., кандидат психологических наук, доцент

Московский гуманитарный университет.....	70
НЕБЕЛЬ Клаус Петер (Klaus Peter Nebel), профессор, руководитель международной программы «Коммуникационный менеджмент» Латвийская Академия культуры (Латвия, Рига).....	72
НИКОЛА М. И., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой всемирной литературы	
Московский педагогический государственный университет.....	74
НИСНЕВИЧ Ю. А., доктор политических наук, кандидат технических наук, профессор	
Государственный университет — Высшая школа экономики; Российский университет дружбы народов.....	75
ОНИЩЕНКО Э. В., доктор педагогических наук, профессор	
Московский гуманитарный университет.....	78

Научное издание

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ XXI ВЕКА

V международная научная конференция

МосГУ, 13–15 ноября 2008 г.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ,
ЗАДАнные ОРГКОМИТЕТОМ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ПРОБЛЕМАМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Международный опрос, 2008 год

Часть 1

Составители:

Вал. А. Луков, Вл. А. Луков, Н. В. Захаров

В сборе материалов приняли участие

В. К. Криворученко, А. Б. Щербаков

Переводчик текстов, представленных на английском языке,

Б. Н. Гайдин

Ответственный за выпуск

О. В. Долженко

Издательство Московского гуманитарного университета

Печатно-множительное бюро

Подписано в печать 11.11.2008 г. Формат 60X84 1/16

Усл. печ. л. 5,25

Тираж 100 Заказ №

Адрес: 111395, Москва, ул. Юности, 5/1